

Май 2020

СЛОВА

Пятьдесят третий

Изоляция

Номер про опыт, который мы получаем
в неординарных обстоятельствах

16+

ВМЕСТО РЕКЛАМЫ

ВСЕМ ЛОКАЛЬНЫМ

БИЗНЕСАМ СЕЙЧАС НЕЛЕГКО.

КАК НИ СТАРАЙСЯ СДЕЛАТЬ СВОЙ
ПРОДУКТ ЛУЧШЕ, СИТУАЦИЯ
В МИРЕ ВЛИЯЕТ НА ВСЕХ.

ПОДДЕРЖИТЕ СЕЙЧАС ТЕХ,

КОГО ВЫ ЛЮБИТЕ.

КОФЕЙНЮ, КАФЕ, САЛОН КРАСОТЫ,
МАГАЗИН — ВСЕ ЧТО УГОДНО.

ЗАКАЖИТЕ ДОСТАВКУ, ОПЛАТИТЕ

ОНЛАЙН. А К ТЕМ, КТО СЕЙЧАС

СОВСЕМ ЗАКРЫТ, ЗАЙДИТЕ СРАЗУ,

КАК ТОЛЬКО ЗАКОНЧИТСЯ КАРАНТИН.

#ПОДДЕРЖИТЕХКТОРЯДОМ

СКОРЕЕ ВСЕГО, ВАМ СЕЙЧАС

ТОЖЕ НЕПРОСТО.

НО ВМЕСТЕ МЫ МОЖЕМ ГОРАЗДО

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПО ОДНОМУ.

Слово

РЕДАКТОРА

Изоляция

Софья

ЯРЦЕВА

 SONEICHEN

КОГДА ИСТОРИЯ С КОРОНАВИРУСОМ, КАРАНТИННЫМИ МЕРАМИ И САМОИЗОЛЯЦИЕЙ ТОЛЬКО НАЧИНАЛАСЬ, ИНТЕРНЕТ ЗАПОЛНИЛИ СПИСКИ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ НАМ ВСЕМ ПРЕДЛАГАЛОСЬ СДЕЛАТЬ, ИЗУЧИТЬ, ВНЕДРИТЬ. ТРЕКЕРЫ ПРИВЫЧЕК, МАСТЕР-КЛАССЫ ПО ВЫПЕЧКЕ, КУРСЫ АКВАРЕЛИ, ЛЕКЦИИ КРУПНЕЙШИХ УНИВЕРСИТЕТОВ, СПИСКИ КНИГ, ФИЛЬМОВ И СЕРИАЛОВ. НЕ БУДУ ДАЖЕ ПРОДОЛЖАТЬ, ВЫ ВСЕ ЭТО ВИДЕЛИ.

Не знаю, как вы, лично я из этих списков сделала примерно ничего. Нет, не буду врать, у меня тоже были планы. Я тоже думала, что, уж конечно, сэкономлю кучу времени и досмотрю наконец купленный еще три года назад курс по фото, разберу в шкафах, прочитаю все отложенные книги. И я даже знаю одну девочку, которая действительно посмотрела несколько опер и утверждает, что этот месяц стал для нее суперпродуктивным, полным новых идей, мыслей и книг. Но давайте честно: большинству из нас сейчас не до списков и радужных планов.

Огромное количество людей, осознают они это или нет, в апреле оказались в диком стрессе — запертые дома, без ясных перспектив, с тревогой, что будет дальше — с деньгами и работой, с накоплениями, кредитами, экономикой, долларом, нефтью? Как будет меняться статистика заболевших? Что если заболею я? А если кто-то из родных? Создадут ли вакцину в ближайшее время или мы будем сидеть в карантине вечно? Могу ли я сходить погулять в лесу? Доедет ли, в конце концов, чертов заказ из интернет-магазина?! Конечно, это все влияет на продуктивность. И если вместо обучающего курса вы залипли над очередным прогнозом вирусолога или даже над сериалом, это не делает вас плохим, глупым, ленивым человеком. Это просто значит, что вы нормальный человек.

Но есть и еще кое-что, что показала нам изоляция: как много всего на самом деле мы делаем не для себя, а для других. Чтобы показаться умными, красивыми и, конечно, продуктивными любителями классической оперы. Создаем, пишем, фотографируем. Покупаем. Достигаем. Наряжаемся. Демонстрируем.

Возможно, это и не так плохо. Потому что в конечном счете мы все подталкиваем друг друга, вдохновляем, поддерживаем, помогаем двигаться вперед и становиться лучше. Даже если у нас не так много возможностей прямо сейчас.

В
в
о
д
н
ы
с

ИЗОЛЯЦИЯ

СЛОВА

ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ НОМЕР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Софья Ярцева

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Полина Синёва

ФОТОРЕДАКТОР

Александра Григ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Олеся Горячева

Полина Стриженченко

Галина Саубанова

Елена Миннибаева

ФОТОГРАФ

Никита Богданов

ОБЛОЖКА

Фото – Никита Богданов

МАКЕТ ЖУРНАЛА

Мануфактура

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

Ангуан Колупасев

Виталий Яхнев

Андрей Шустов

Анна Лыкова

КОРРЕКТУРА

Наталья Кислёва

Лариса Кольцова

Ирина Соломатина

Татьяна Беляк

Алексей Орехов

Учредители: Управление делами

Воронежской области; Автономное учреждение

Воронежской области «Региональное

информационное агентство «Воронеж»

Издатель: АУ ВО «РИА «Воронеж»

Главный редактор: Софья Сергеевна Ярцева

Тираж 5 000 экземпляров.

Распространяется бесплатно.

Номер подписан в печать – 29.04.2020

Дата выхода номера в свет – 11.05.2020

№ 53. Заказ № 388.

Отпечатано в ООО «Кватро». 398005,

Россия, г. Липецк, ул. 9 Мая, 14а.

Издание зарегистрировано в Управлении

Федеральной службы по надзору в сфере

связи, информационных технологий и массовых

коммуникаций по Воронежской области

(Роскомнадзор). Регистрационный номер: серия

ПИ № ТУ 36-00561 от 1 марта 2019 года.

Перепечатка материалов журнала «Слова» невозможна без письменного разрешения редакции.

При цитировании ссылка на журнал обязательна.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных

объявлениях, а также информации о мероприятиях,

предоставленной их организаторами.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ

394026, г. Воронеж,

ул. Плехановская, 53

E-mail: slovamag@yandex.ru

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ

ra@riavr.ru

+7 (473) 235 64 24

+7 (920) 229 30 25

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Светлана Васильева

+7 (473) 235 52 82

Полный архив
номеров журнала
riavr.ru/pdf/slova/

@SLOVAMAG

#SLOVAMAG

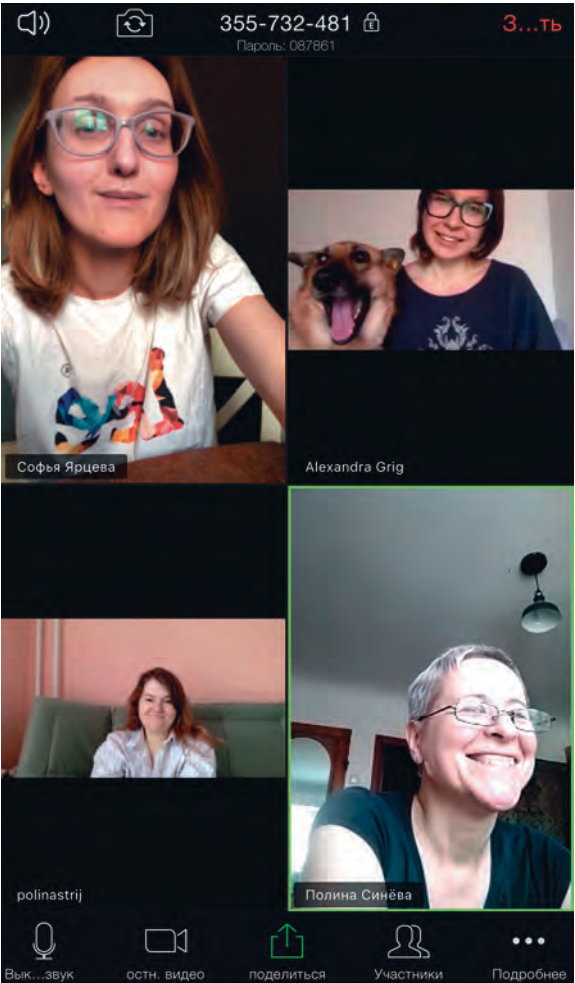

SLOVAMAG

БУДНИ РЕДАКЦИИ: АПРЕЛЬ

ПРОЦЕСС

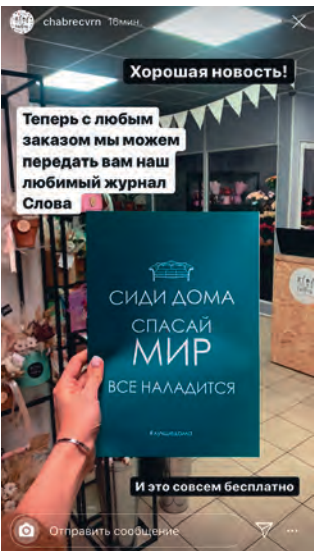
РАССКАЗЫВАЕМ, КАК ГОТОВИЛСЯ НОМЕР,
И ДЕЛИМСЯ РАБОЧИМИ МОМЕНТАМИ,
КОТОРЫЕ ОБЫЧНО ОСТАЮТСЯ ЗА КАДРОМ

Не отставали от трендов и проводили планерки в Zoom.

Учились быть продуктивными, отделять выходные от будней и делить рабочее пространство с домашними.

Осваивались с доставкой в новых условиях. Бесконечно благодарны всем нашим партнерам за помощь в распространении и поддержку в соцсетях и очень рады, что в эти непростые дни все вместе смогли добавить людям положительных эмоций.

Иногда выбирались в редакцию — со всеми предосторожностями.

ИЗОЛЯЦИЯ ПОРЯДОК СЛОВ

6

ОБЗОР

КУЛЬТУРА: ЧТО БЫЛО В АПРЕЛЕ

Культурные события в городе, которые вы могли пропустить

ИДЕИ

Воронежские фотографы снимают для «Слов» в условиях самоизоляции

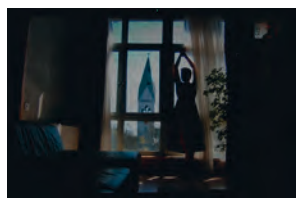

8

ЕВГЕНИЯ НЕБОЛЬСИНА:
«ОТКРЫТЬ
МАЛЕНЬКИЙ
ОГРОМНЫЙ
МИР»

12

ИГОРЬ МАТЕЙ:
«ЭТО НОВЫЙ
СПОСОБ
КОММУНИКАЦИИ»

ОПЫТ

16

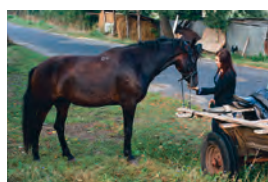
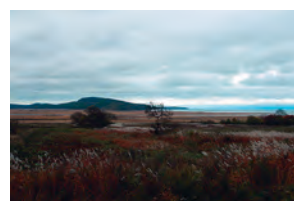
«УЧИТЬСЯ СМирЕНИЮ
У ПРИДОРОЖНЫХ
КАМНЕЙ»

Ученый секретарь музея-заповедника «Дивногорье» — о работе, ради которой он на полгода уезжает из города

20

УЖИВАТЬСЯ
С САМИМ СОБОЙ

Геолог и полярник — о том, что режим самоизоляции показался бы ему приятным отпуском

30

МЕЖДУ МИРОМ
И ДУХОМ

Психолог, переехавшая в деревню, — о том, чем ценна жизнь в уединенных местах

36

«ЛЮДЯМ
НЕ НУЖНЫ
ГОРОДА. ПРОСТО
ОНИ ЭТОГО ЕЩЕ
НЕ ОСОЗНАЛИ»

Основатель арт-резиденции — о натурообмене и о художниках, чье творчество всегда в каком-то смысле — «удаленка»

40

ФОТОПРОЕКТ

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Фотограф Алексей Астрединов запечатлел улицы Воронежа, какими мы их до этого никогда не видели

50

ЛЮДИ

ОДНИ, НО НЕ ОДИНОКИ

Воронежцы с ограниченными возможностями — о том, как они преодолевали вынужденную изоляцию от социума

55

ОПЫТ

«КОГДА ТЫ ВНЕ ЗОНЫ КОМФОРТА, УЖЕ НЕ СТРАШНО ЧТО-ТО МЕНЯТЬ»

Воронежские предприниматели поделились своим опытом выживания в кризис

60

ИСТОРИЯ

КАК ВОССТАНАВЛИВАЛИ ВОРОНЕЖ

Что бы ни происходило в мире, май для нас — всегда про победу и память

64

МАРШРУТ МЕСЯЦА

МЕСТА, ПО КОТОРЫМ МЫ СОСКУЧИЛИСЬ

Куда захочется выбраться после окончания самоизоляции

70

РЕЦЕПТ НОМЕРА

СВЕКЛА ТЕРИЯКИ
С СЕЛЬДЬЮ
И АВОКАДО

72

СТО ПРИЧИН ЛЮБИТЬ ВОРОНЕЖ

ПРИЧИНА № 52

КУЛЬТУРА: ИТОГИ АПРЕЛЯ

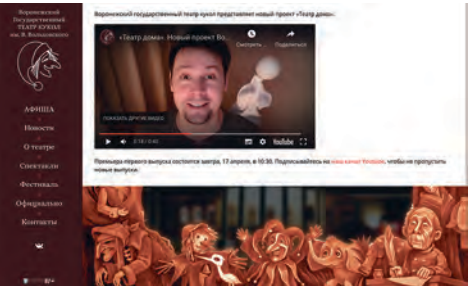
В течение месяца мы внимательно следили за событиями в городе, чтобы рассказать вам о тех, которые вы могли пропустить

ТЕАТРЫ: АРХИВ ОНЛАЙН

В условиях режима самоизоляции перед театрами встала дилемма: показывать спектакли онлайн или нет? Существует мнение, что стоит зрителю однажды посмотреть спектакль с дивана — и больше в настоящий театр он не пойдет. Выход нашлся: показывать архивные постановки, которые на сцене уже не увидеть. Камерный выложил на своем YouTube-канале «Бориса Годунова» — первый спектакль, показанный в новом здании театра в 2015 году. Доступ к записи открыли всего на 24 часа — чтобы создать ощущение события, для которого выделяется время, как и для похода в театр. Следом опубликовали первую премьеру танцевальной труппы Камерного «Apples&Pies. Ностальгия». Идею временного выкладывания архива подхватил драмтеатр имени Кольцова: зрители успели посмотреть записи «Тартюфа», «Танца Дели», «Ареста», «Ворона» и других постановок. А Театр оперы и балета делился видео одноактных балетов, созданных для фестиваля современной хореографии «RE:Форма танца». Только Никитинский театр выложил несколько старых спектаклей в вечный доступ: на его канале можно посмотреть «Макбет», «Подходцев и двое других», «Свои люди — сочтемся» и «Anthropogen. Modernity». Конечно, все уходит в онлайн, и сейчас это особенно очевидно, но все же теория смерти театров в пользу дистанционных платформ кажется надуманной. Более реалистичным видится развитие онлайн-показов как дополнения к привычным офлайн-формам. И вообще, зачем хранить архив, если не делиться им со зрителями?

ТЕАТРЫ: НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Конечно, одним архивом дело не ограничилось — ведь артистам как никому другому скучно сидеть дома без работы. Пионером новых проектов стал Никитинский — еще в конце марта на платформе «Яндекс.Эфир» он показал премьерный спектакль «К. Рассказы» по произведениям и письмам Франца Кафки. Доступ к постановке открыли на полгода.

Другие театры сосредоточились на проектах в соцсетях. Драмтеатр имени Кольцова вместе с Центральной библиотечной системой Воронежа и школой-интернатом № 6 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья запустили видеоцикл «Сказки на ночь». Ежедневно в соцсетях театра выходят видео, на которых ведущие артисты труппы читают сказки, собранные в Воронежской области. Каждая сказка снабжена сурдопереводом. Проект придумали как помощь родителям, у многих из которых времени на детей во время самоизоляции не хватает. Еще одной новинкой театра стала zoom-читка пьесы современного драматурга Алексея Житковского «Посадить дерево». И репетиции, и показ эскиза прошли в приложении Zoom — но при этом это нельзя назвать совсем уж черновиком: артисты репетировали, работали с режиссером, просто все это — дистанционно. Будет ли спектакль полноценно воплощен на сцене после карантина, неизвестно, но оценить его в режиме конференции даже интереснее.

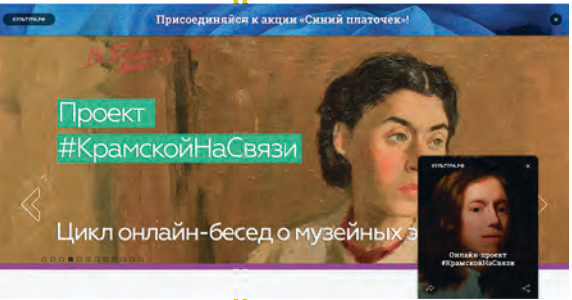
Пожалуй, самый любопытный проект придумали артисты театра кукол «Шут». «Театр дома» — это ежедневные видеоролики, в которых актеры разыгрывают небольшие сценки, стихотворения или сказки с минимумом подручных средств, элементарным гримом и самыми обыкновенными игрушками. Но выглядит это как настоящий театр. Полузабытая традиция домашнего театра, кажется, возрождается — ведь «Шут» не только показывает собственные мини-представления, но и демонстрирует, как нечто подобное можно сделать, не покидая квартиру.

ФИЛАРМОНИЯ: ДОМАШНИЕ КОНЦЕРТЫ

Музыканты филармонии, которые тоже временно остались без работы, радуют зрителей домашними концертами. Ну когда еще узнаешь, как проходят репетиции у тех, кого обычно видишь только на сцене? За прошедший месяц любители филармонических концертов увидели выступление семейного трио, одновременную дистанционную игру на фортепиано и терменвоксе, вокальные номера и многое другое. Можно возразить — уж чего, а прекрасных исполнений самой разной музыки в интернете навалом. Но домашние концерты филармонии — это не только музыка, а еще и знакомые музыканты и истории о том, как они находят выход из сложившейся ситуации. Такие зрелища приободряют.

В МУЗЕЙ С ДИВАНА

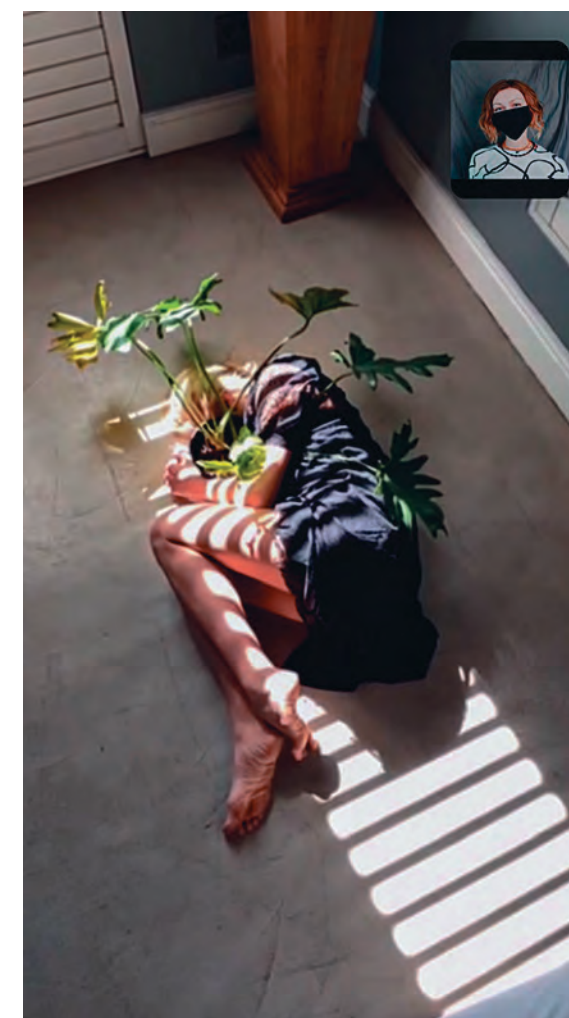
Музей имени Крамского запустил проект #КрамскойНаСвязи. Каждую неделю в соцсетях и на сайте музея выходят видео, на которых сотрудники Крамского подробно разбирают какое-нибудь произведение из коллекции. Можно внимательно рассмотреть древнеегипетский саркофаг, автопортрет ученика Рембрандта и даже авторскую копию знаменитой картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Сколько выпусков успеет выйти до того, как музей вновь откроется, мы не знаем. Зато насколько интереснее потом будет бродить по музейным залам, зная, на что обращать внимание.

Воронежские фотографы снимают для «Слов»
в условиях самоизоляции

«ОТКРЫТЬ МАЛЕНЬКИЙ ОГРОМНЫЙ МИР»

ФОТОГРАФ **ЕВГЕНИЯ НЕБОЛЬСИНА** РАЗМЫШЛЯЕТ О ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКАХ
В ОГРАНИЧЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПУТЕШЕСТВИИ
НА ДРУГОЙ КОНЕЦ СВЕТА ЧЕРЕЗ КАМЕРУ

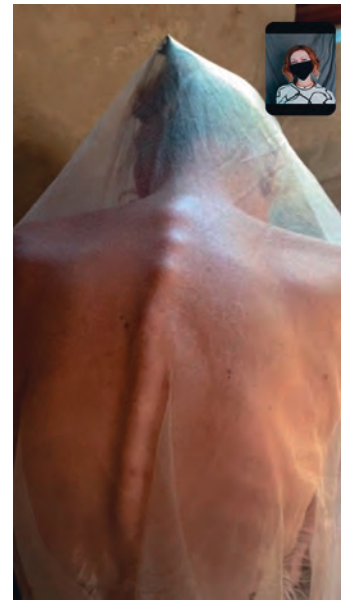
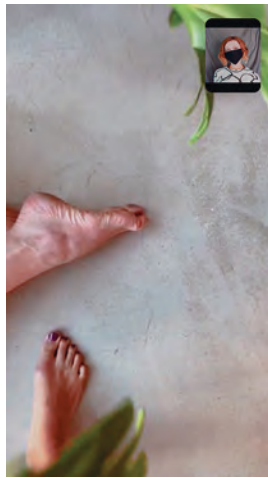
— Я была не в очень хорошем состоянии еще до самоизоляции — как-то неожиданно напали творческий кризис и депрессия. Я какое-то время почти не выходила из дома, перестала брать коммерческие заказы, думала, что нужно разругать какой-то непонятный узел, разобраться в себе и начать что-то новое. Как раньше, снимать и работать было нельзя, и я все еще в поиске.

Думаю, еще до самоизоляции и мне, и в целом обществу нужна была перезагрузка. Месяца даже не хватило. Можно сказать, я только к концу апреля ощутила, и то не в полной мере, что изолирована и не могу делать обычные дела привычными для себя способами. Особенно ощутимо было выйти на улицу через две недели проведенные дома, и почувствовать странный запах — это был воздух, все цвело и пахло весной. В самом начале это было вроде вызова: мы закупились продуктами, оформили подписку на игры, купили комфортные домашние вещи, чтобы находиться в квартире было приятнее. Первое время очень много общалась с родителями и родными — они все в разных городах. Мне было важно знать, что все мои друзья и родственники адекватно воспринимают ситуацию и находятся в безопасности, принимают для этого меры. Думаю, это даже сплотило нас всех. Хотелось бы, чтобы с обществом происходило то же самое.

МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛАСЬ ФРАЗА ИЗ ФИЛЬМА О РЕЖИССЕРЕ ДЭВИДЕ ЛИНЧЕ, ЧТО-ТО ВРОДЕ «МИР ТАКОЙ, КАКОЙ ТЫ САМ». ЛИНЧ ЖИЛ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДИШКЕ, И ДЛЯ НЕГО ЭТИ НЕСКОЛЬКО УЛИЦ БЫЛИ ОГРОМНЫМИ. ДУМАЮ, ЧТО СЕЙЧАС КАК РАЗ ВРЕМЯ ОТКРЫТЬ ДЛЯ СЕБЯ ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ОГРОМНЫЙ МИР. У НАС ЗАЧАСТУЮ ЕСТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ЭТОГО — СИТУАЦИЯ КАК БЫ ПОДТАЛКИВАЕТ НАС К ТОМУ, ЧТО НУЖНО МЕНЯТЬСЯ.

В самоизоляции я стала больше общаться онлайн. Услышала, что один испанский фотограф начал снимать удаленно. Сначала это показалось забавным, не более. Для себя я этого не представляла никак и, поговорив с друзьями-фотографами, поняла, что в такой съемке много подводных камней. Ты не можешь целиком контролировать процесс — например, качество съемки зависит от камеры модели. Я бросила эту идею и начала снимать то, что было под рукой, — сфотографировала грушу, и после этого мне стало спокойнее. Я решила рискнуть и попробовать онлайн-съемку. Была идея снять людей в их обстановке — все просто. Начала с друзей, причем для многих оказалось сложно пустить меня снимать в их доме — это слишком личное. Первый опыт оказался интересным. Я совершенно не представляла, что делать. Непривычно, потому что обычно двигаешь камеру сама, это не приходится проговаривать. Я решила, что мы с моделью поставим камеру, и я буду контролировать происходящее в кадре, делать скрин в нужное время. Снимали на фронтальную камеру телефона, а она, как правило, выдает наилучшее качество. Но в итоге мне понравился результат.

Как-то утром я проснулась и решила снять свою знакомую Анджелику, для меня это была отличная возможность понаблюдать за ней. Анджелика сама фотограф, с прекрасным и близким мне взглядом на мир и творчество, поэтому сразу меня понимала. Съемка получилась совместными усилиями, это было скорее сотрудничеством. С фотографами работать проще, чем с обычными моделями, потому что они лучше видят картинку, чувствуют, понимают, что происходит, и быстро делают, что нужно. Я давно хотела такое попробовать. Сама Анджелика живет в Кейптауне, и оказалось классным в изоляции поснимать в другой стране. Мы работали больше трех часов, несколько раз садился телефон и приходилось делать паузы. У меня было чувство, что я нахожусь прямо там. Когда снимаешь, сильно погружаешься в процесс, и в принципе нет разницы, снимаешь ты из дома или нет. Я очень благодарна Анджелике — она сама нашла моделей, которые оказались очень открытыми и спокойными людьми. На этой съемке мы просили держать камеру другого человека и передвигали ее очень плавно, чтобы я делала скрины. Тяжело поставить камеру так, чтобы не хотелось потом что-то все

ТЕКСТ ПОЛИНА СТРИЖАЧЕНКО
ФОТО ЕВГЕНИЯ НЕБОЛЬСИНА

время менять в кадре. Можно снимать и со штатива, но я так не особо люблю. Я осталась довольна результатом. Единственное, что мне не нравится, — это иконка с моим лицом наверху. Хочется, чтобы зритель прочувствовал атмосферу, а как ее прочувствовать, если Женя звонит.

ОНЛАЙН-СЪЕМКА — ОТЛИЧНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ГРАНИЦ. ОБЩАЯСЬ С РАЗНЫМИ ТВОРЧЕСКИМИ ЛЮДЬМИ И НАБЛЮДАЯ ЗА НИМИ В ПРОЦЕССЕ СЪЕМОК, Я УЧУСЬ. ХОЧУ ПРОДОЛЖАТЬ ФОТОГРАФИРОВАТЬ ПОДОБНОЕ, НО МОДЕЛЕЙ СКОРЕЕ ВСЕГО БУДУ ВЫБИРАТЬ ОЧЕНЬ ТЩАТЕЛЬНО, ПОТОМУ ЧТО ОТ ИХ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИЧАТЬ МНОГОЕ ЗАВИСИТ.

Мне кажется, что как средство онлайн-съемка — это круто. Мы оказались в определенных обстоятельствах и показываем то, что вокруг нас, а не придумываем вымышленный мир. Фотографы во всем мире сидят дома — вот она, реальность. В этих условиях нам остается снимать на веб-камеру или фотографировать то, что окружает нас дома. Тяжело в финансовом смысле — во время самоизоляции заказов нет практически ни у кого. Кто снимал для стоков, имеет хоть какой-то доход. Я думаю, что сейчас время для творчества. Очень круто заниматься обучением, саморазвитием — ведь творчество зависит от твоего внутреннего состояния. Есть много программ, которые можно изучить, и развить в своей работе что-то новое. Я вдохновляюсь разными людьми — фотографами, художниками. Стараюсь искать тех, кто сам ищет что-то глубокое, меня это радует и вдохновляет. Когда человек делает что-то классное, тебе тоже хочется. Иногда разбираю чужие работы, пытаюсь понять, о чем думал художник. Вдохновиться не тяжело, тяжело сделать что-то в реальности. В самоизоляции у всех так или иначе расшатанная психика, настроение то есть, то нет. Когда ты и живешь, и снимаешься дома, нужно кучу вещей убрать, что-то двигать, потом это возвращать на место. Это большая работа. Наверное, онлайн-съемки останутся как классный опыт. Люди поймут, что на самом деле многое можно сделать удаленно, в том числе и снимать. Но первое, что сделают фотографы после самоизоляции, — пойдут снимать на улицы. ➔

Воронежские фотографы снимают для «Слов»
в условиях самоизоляции

«ЭТО НОВЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ»

ИЗОЛЯЦИЯ ИДЕИ

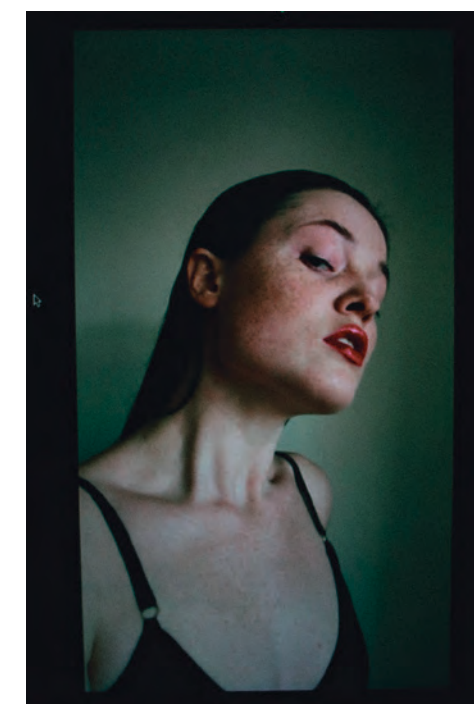
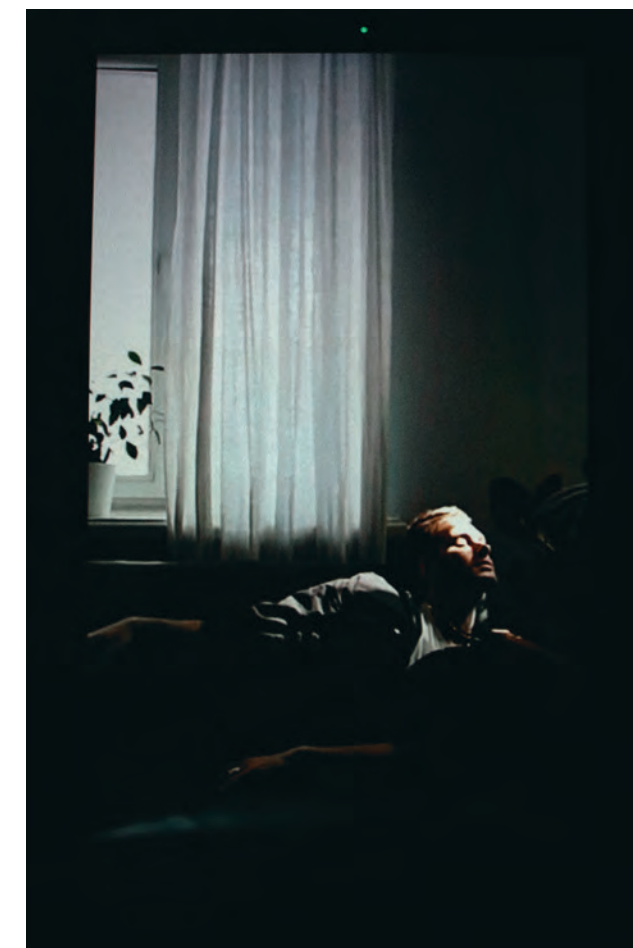
ФОТОГРАФ **ИГОРЬ МАТЕЙ** —
О ТОМ, ПОЧЕМУ ПРОЦЕСС СЪЕМОК ВАЖЕН
НЕ МЕНЕЕ РЕЗУЛЬТАТА И КАК ФОТОГРАФИЯ ПОМОГАЕТ
ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛУЧШЕ В ТРЕВОЖНЫЕ ВРЕМЕНА

— С переходом на самоизоляцию моя жизнь практически не изменилась. За исключением того, что люди перестали пользоваться услугами фотографов, и я, соответственно, перестал фотографировать. Я осознал, что это данность, и задумался, что можно сделать, как снимать иначе. Две недели без съемок заставили обратить внимание на онлайн-фотографию. Честно сказать, к такого рода фотосессиям я сначала относился скептически. Но, когда посмотрел больше онлайн-работ, увидел много отличных снимков, поэтому решил попробовать. Изучил, как работают другие онлайн-фотографы. Ребята снимают экран ноутбука на фотокамеру или скриншотами. Я попробовал оба способа и остановился на втором, — такие фотографии, на мой взгляд, более эстетичны, атмосферны, порой похожи на пленочные, полароидные снимки. Вообще не стоит забывать, что снимает не камера, а человек.

После того как сам попробовал фотографировать онлайн, я выделил приятные особенности этой съемки. На офлайн-съемке приходится тратить время, чтобы человек расслабился, доверился, почувствовал себя в безопасности на чужой территории. Когда человек у себя дома, ему комфортнее, а значит, он более расслаблен и лучше получается на фото. Лучших декораций, чем комната модели, не сыщешь. Место, где живет человек, дополняет его портрет. Можно прямо перед съемкой выбрать одежду и сразу посмотреть, как модель в ней будет выглядеть там, где фотографируется. Во время онлайн-съемки модель видит себя на экране телефона — это помогает принять позу или выражение лица, которое нравится ей самой. Подготовка к фотосессии занимает значительно меньше времени, не приходится тратить время на дорогу, а готовые фотографии можно отдавать в день съемки или на следующий день, потому что обработка происходит быстрее.

ОНЛАЙН-ФОТОСЕССИЮ МОЖНО РАСЦЕНИВАТЬ КАК СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ С ТОБОЙ НА КАРАНТИНЕ. НАДЕЛА СЕРЕЖКИ, КРАСИВОЕ ПЛАТЬЕ, НАКРАСИЛА ГУБЫ – И ВОТ ТЫ УЖЕ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ИНАЧЕ, ЧЕМ ДО ЭТОГО В ДОМАШНЕМ.

Перестраиваться было тяжело. Я фотографирую уже десять лет, за это время я научился, что нужно делать, чтобы получить ожидаемый результат. Но онлайн-съемки — это не то, к чему я привык, это новый опыт. На первые съемки «шел» с внутренним сопротивлением, потому что непонятно было, как и что делать. В техническом плане очень много ограничений. Приемы и методы, которые хорошо работают в офлайне, в онлайн ведут себя по-другому. Но, чем больше я снимаю офлайн, тем больше опыта получаю, начинаю понимать новые правила.

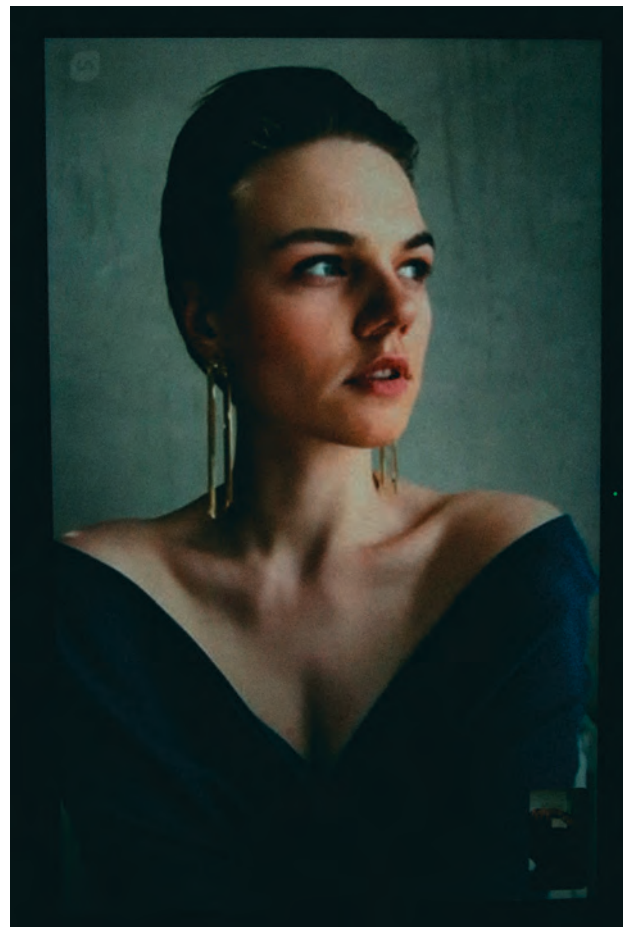
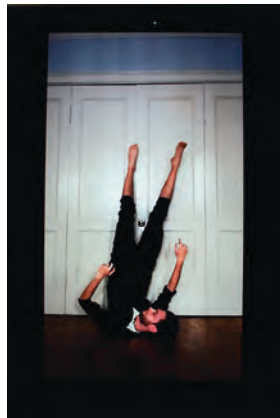

ИЗОЛЯЦИЯ ИДЕИ

Первое впечатление от онлайн-съемки — что это какая-то игра. Это необычная ситуация, когда чей-то голос говорит человеку, что ему нужно делать. Сложно описать, в чем разница между ощущениями от съемок. Пока что я в этом разбираюсь, присматриваюсь, ищу и пробую. С одной стороны, ты сразу приходишь к человеку домой, и он показывает обстановку, чтобы ты понял, что это за локация, как поставить камеру. Я в гостях у своего героя, он для меня открыт. Но, с другой стороны, онлайн-контакт иной, нежели офлайн. Это как разговаривать с человеком по телефону или глаза в глаза. В онлайн-съемках сразу есть дистанция, которая помогает человеку чувствовать себя комфортно. Он в психологической безопасности — вокруг знакомая обстановка и нет физического контакта. Я не смогу подойти близко — когда ты разговариваешь с человеком на расстоянии трех метров или подходишь с камерой прямо к лицу, это абсолютно разные ощущения. На мой взгляд, результаты онлайн- и офлайн-фотосессий отличаются, но не всегда и не все видят разницу. Нужно определить, какого результата мы ждем — какие цели преследует фотограф, а какие модель. Можно задать мой любимый вопрос: «А зачем вы хотите фотографироваться? Для чего вам это нужно?». Услышав ответ, в большинстве случаев я могу понять, останется ли человек доволен съемкой.

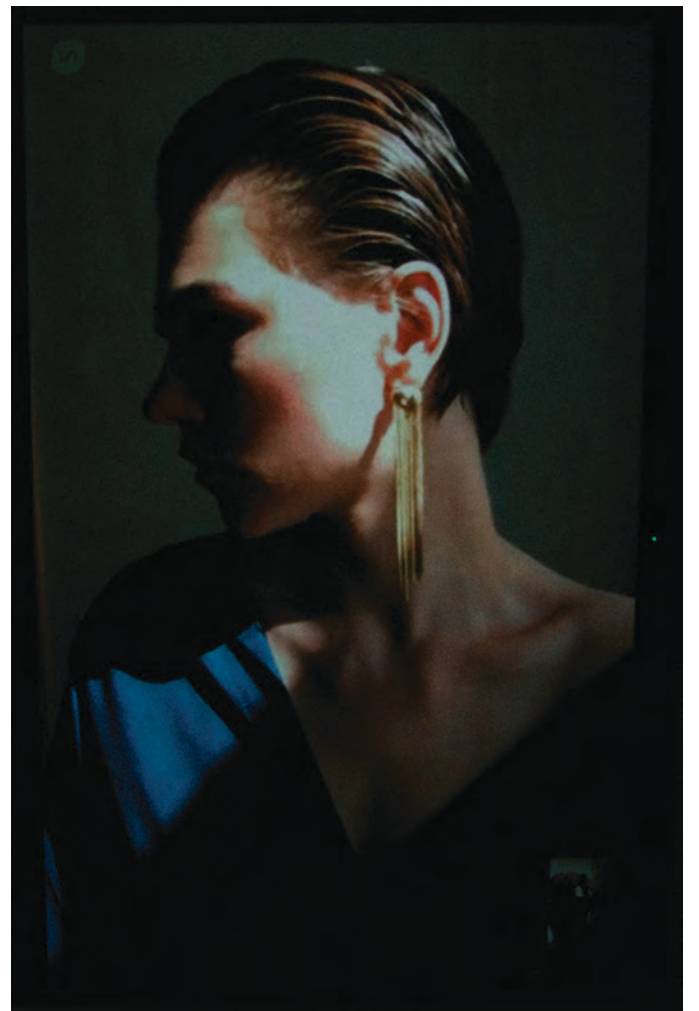
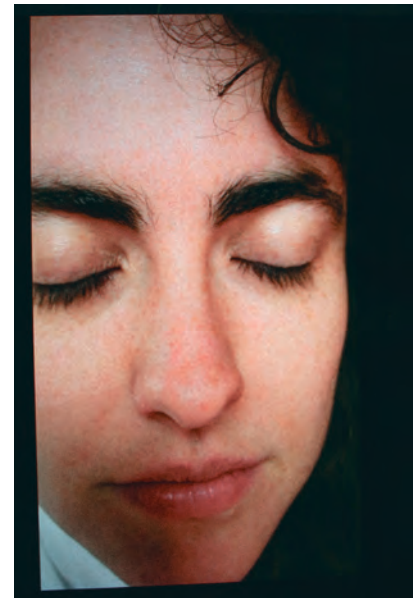
Если рассматривать онлайн-формат без контекста, то он сам по себе странный. Но если учесть, что у людей нет возможности выйти из дома или они находятся так далеко друг от друга, что не могут встретиться, то он становится не таким уж и странным. Теперь можно фотографировать любого человека в любой момент времени, это дает крутые возможности в коммуникации с ним. Если раньше, чтобы сфотографировать кого-то, кто живет в другом городе, мне приходилось туда ехать, и мы вместе искали удобное время, то сейчас на съемке каждый из нас может быть у себя дома. Онлайн-фотография в этом смысле открывает границы. Съемка — это же не только про конечный результат, картинку, но и про процесс. В моем понимании фотография — это про коммуникацию. Не важно, кого ты снимаешь, у тебя с этим человеком есть связь, есть желание узнать его.

Я МНОГО ЛЕТ БЛИЗКО ЗНАКОМ С РЕЖИССЕРОМ И ДРАМАТУРГОМ ИВАНОМ ВЫРЫПАЕВЫМ. В СВОЕЙ НЕДАВНЕЙ ОНЛАЙН-ТРАНСЛЯЦИИ ОН СКАЗАЛ, ЧТО СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО – ЭТО НОВЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ. МНЕ КАЖЕТСЯ, ОНЛАЙН-ФОТОГРАФИЯ – ЭТО КАК РАЗ ТОТ САМЫЙ СПОСОБ. ЕСЛИ МНЕ ПОКА НЕ СОВСЕМ В НЕМ КОМФОРТНО, ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ЕГО НЕЛЬЗЯ РАЗВИТЬ.

В самоизоляции многие люди находятся в стрессе, тревоге, некоторые даже в панике. Но это не будет продолжаться вечно. Люди захотят чувствовать себя хорошо, и фотография как раз дает эту возможность. А портретная фотография помогает посмотреть на себя со стороны, увидеть в себе что-то прекрасное глазами фотографа, которому ты доверяешь, творчество которого тебе близко. Думаю, многие впадают в панику, потому что смотрят не внутрь себя, а вовне. Они поглощают очень большое количество информации, но не спрашивают себя: «Почему мне так тревожно?». Я тоже через это прошел. Когда появилась первая информация о вирусе, неделю не выходил из интернета, читал все и всех. В итоге почувствовал жуткую тревогу. Когда отследил ее и сократил количество потребляемых новостей, почувствовал себя намного лучше. Правильная коммуникация во время съемок тоже помогает чувствовать себя лучше. Кому-то на съемке нужно выговориться, кому-то — почувствовать внимание и заботу фотографа. Когда люди сидят в четырех стенах, я прихожу к ним онлайн, мы сближаемся. Это заведомо теплое знакомство, ведь мне нужно расположить и расслабить человека, чтобы он чувствовал себя хорошо.

О будущем онлайн-фотографии говорить сложно. Сейчас она более чем актуальна. Ее развитие зависит от того, как долго продлятся ограничения. Уверен, что такая ситуация заставит многих фотографов посмотреть на себя и на свое творчество. Подумать над тем, в какой точке они находятся и куда бы им хотелось двигаться дальше. Желание развиваться поможет не остаться без работы, в том числе и фотографам. Думаю, что востребованность фотоуслуг станет меньше. Профессия фотографа у меня не первая, до этого я работал в полиции. Сейчас я еще и тренер по бегу, это дополнительный источник дохода. Я никогда не боялся конкуренции: думаю, если делать то, что тебе интересно, это будет интересно и другим. Вопрос в том, как ты это делаешь. Ведь есть много фотографов, но не у всех есть работа. Если даже профессия фотографа исчезнет, я смогу освоить другую. Будет нелегко, но я к этому готов. ➔

«УЧИТЬСЯ СМИРЕНИЮ У ПРИДОРОЖНЫХ КАМНЕЙ»

ФОТО ДИАНА АМЕЛЬЧАКОВА

КАК УСТРОЕНА ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ УЕЗЖАЮТ РАБОТАТЬ В УЕДИНЕННЫЕ МЕСТА? УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДИВНОГОРЬЕ» **СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВ** РАССКАЗАЛ «СЛОВАМ», ПОЧЕМУ ЕМУ ЛУЧШЕ РАБОТАЕТСЯ ВДАЛИ ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КАК ВЛИЯЕТ НА ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ ТО, ЧТО ПО ПОЛГОДА ПРОВОДИШЬ НЕ С СЕМЬЕЙ, А С КОЛЛЕГАМИ.

— **В** заповеднике мне доступны почти все блага цивилизации — за исключением свободного выхода в интернет. Хотя многие знакомые недоумевают, как мы можем почти полгода жить здесь. Действительно, музей-заповедник находится в хуторе Дивногорье, достаточно далеко от Воронежа и других населенных пунктов. Но я уже много лет работаю в заповеднике, и он стал для меня вторым домом. Когда подолгу не бываю в Дивногорье, начинаю скучать. Например, зимой, когда экскурсионно-туристический сезон закрыт, я часто в выходные дни приезжаю и навещаю это место.

Дивногорье — это такой островок спокойствия вдали от цивилизации. Моя работоспособность выше именно на хуторе, во время сезона. Уверенно могу сказать, что и у моих коллег так же. Возможно, потому что там меньше факторов, которые отвлекают от работы, лучше получается сосредоточиться.

Мои родственники, знакомые и друзья давно привыкли к моему долгому отсутствию в городе. Во время экскурсионно-туристического сезона я не успеваю заскучать по родным, потому что каждые выходные стараюсь навещать их. Хотя некоторые мои коллеги бывают дома только раз в месяц, остальные выходные проводят в заповеднике.

В Дивногорье получается вставать очень рано, чего, к сожалению, не удастся, когда я в городе. Обычно просыпаюсь в семь, завтракаю, иногда читаю, иногда совершаю небольшую прогулку до начала рабочего дня. Чаще всего у меня одна экскурсия в день, хотя в мае и в летние месяцы, когда поток посетителей самый большой, выпадает и по две. После возвращаюсь в административное здание, где всегда есть работа. В музее-заповеднике каждый год проходит множество студенческих практик, поэтому часто мы общаемся со студентами, которые приезжают из Москвы, Липецка, Белгорода и других городов. Кроме того, все сотрудники заповедника в равной степени занимаются наполнением сайта, ведением соцсетей, разработкой мастер-классов, разной бумажной работой.

Бытовые условия в музее-заповеднике не сильно отличаются от городских. В магазине, который находится на хуторе, можно найти базовый набор продуктов для приготовления завтрака, обеда и ужина. Если хочется чего-то особенного, то можно в выходной день на электричке доехать до Лисок, где работает рынок.

Единственное, что отличает жизнь в Дивногорье от жизни в городе, это совместное проживание сотрудников. Коллектив у нас маленький, и мы проводим вместе очень много времени — и на работе, и после нее. Живем бок о бок, по два-три человека в одной квартире в административном здании музея-заповедника. Квартиры состоят из одной комнаты, кухни и ванной. У нас на всех одна стиральная машинка, и, чтобы постирать свои вещи, нужно занять очередь. Мы к этому уже привыкли, и такое общежитие и разные бытовые мелочи не приводят ни к каким конфликтам. С коллегами я всегда нахожу общий язык. Многих могу назвать друзьями или очень хорошими знакомыми. Безусловно, такие отношения только помогают в работе, потому что увеличивают степень взаимопонимания.

В музее-заповеднике работает довольно мало сотрудников, а нередко случается, что там остается кто-то один. В выходные работают только двое дежурных, которые проводят экскурсии. И лишь в такие дежурные дни можно почувствовать себя отчасти как в изоляции. Пока коллега ведет экскурсию, в офисе ты находишься один, потом вы меняетесь, и выходит, что почти не пересекаетесь. Но даже в такие дни к работе приступать несложно, наоборот, мало что отвлекает, получается даже лучше сосредоточиться. Ощущение одиночества за все годы работы в музее-заповеднике у меня ни разу не возникало.

Условия работы в музее-заповеднике не вгоняют ни меня, ни моих коллег в депрессию, с тоской мы не боремся. Возможно, мы просто привыкли к такому режиму, а может быть, причина в характере человека. Не каждый бы выдержал такую работу — к нам устраивались люди, которые проводили здесь какое-то время, но потом уходили. Хотя причины этого доподлинно мне неизвестны. Мы же чувствуем себя в Дивногорье комфортно. Здесь всегда есть чем заняться. Когда заканчивается работа, остается еще множество дел.

В свободное время чаще всего мы совершаем пешие прогулки к разным интересным объектам, которые располагаются на территории Дивногорья и в окрестностях. Это архитектурные, археологические, природные памятники или просто красивые виды. Такие прогулки могут длиться до четырех часов. Многие сотрудники ведут собственную научную работу и часто совершают какие-то выезды — например, географы и геологи устраивают рейды в поисках интересных ландшафтов, ботаники изучают разные виды растительности. Я занимаюсь археологией и часто посещаю археологические памятники — мы с коллегой проводим мониторинг, следим, чтобы они не разрушались. Иногда отправляемся на автомобиле к дальним объектам, пешая прогулка до которых заняла бы долгое время.

Нередко мы проводим свободные вечера просто на лавочке. Пьем чай, болтаем, делимся впечатлениями, провожаем закат. Особенно часто так бывает после трудных насыщенных дней — субботы и воскресенья. После такого мощного туристического потока у каждого сотрудника набирается немало историй. А иногда можно почитать книжку или просто полежать и понаблюдать, как за окном меняются краски, день переходит в ночь.

Я и пара моих коллег любим рыбалку и часто отправляемся на реку Тихую Сосну, которая протекает по территории Дивногорья. А в четырех километрах отсюда течет Дон. Чаще всего рыбу мы ловим рано утром, с шести до девяти, но иногда отправляемся на ночную рыбалку — с заката и часов до пяти утра, до рассвета. Потом спим часа три и выходим на работу.

Так как я занимаюсь археологией и провожу исследования, а на территории музея-заповедника ежегодно проходят студенческие археологические экспедиции, то на время экспедиций я переезжаю из административного здания в палатку. Для меня очень удобно. Со студенческих лет я к этому привык, и без палатки летом мне даже немного не по себе. В это время досуг в основном проходит в кругу у костра.

У меня есть девушка, и нам довольно сложно общаться, когда она учится или работает в Воронеже, а я нахожусь в Дивногорье. Хорошо летом, когда у нее каникулы или отпуск, и мы можем видеться. А весной и осенью встречаемся только по выходным. Этот фактор очень важный. У нас в музее-заповеднике довольно много неженатых и незамужних сотрудников и сотрудниц, как я думаю — во многом из-за того, что достаточно сложно выстраивать какие-то отношения при таком режиме работы. Недавно к нам хотел устроиться один человек, но его девушка оказалась резко против того, чтобы он полгода отсутствовал в городе, и это стало решающим обстоятельством — он выбрал другое место. Одна пара сложилась в коллективе — сотрудники познакомились в заповеднике, сейчас женаты и, конечно, у них не возникает проблем с расписанием. Это один из выходов.

Режим самоизоляции внес изменения и в нашу работу. Сейчас большинство находится на удаленной работе в Воронеже, связь с Дивногорьем мы поддерживаем только через тех сотрудников, которые постоянно живут на хуторе. Благодаря им мы знаем, какие пейзажи сейчас в Дивногорье, какие птицы прилетели, какие цветы распустились. В связи с тем, что экскурсионно-туристический сезон закрыт до 30 апреля, вероятнее всего, будет закрыт и в мае, мы пока не выезжаем на место. Конечно, это очень печально и жалко, потому что май в Дивногорье — лучшее время, с буйством красок и цветов, особенно интересно наблюдать за редкими видами растений. Но я думаю, что нас все-таки допустят к работе в Дивногорье, даже если сезон будет закрыт, ведь у большинства есть научная работа, заниматься которой в отрыве от природы музея-заповедника мы не можем. ➤

ТЕКСТ **ОПЕСЯ ГОРЯЧЕВА**
ФОТО **СОФЬЯ ЯРЦЕВА**

УЖИВАТЬСЯ С САМИМ СОБОЙ

ДЛЯ МНОГИХ САМОИЗОЛЯЦИЯ ОКАЗАЛАСЬ СЕРЬЕЗНЫМ ИСПЫТАНИЕМ — СИДЕТЬ НЕДЕЛЯМИ В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ НЕПРОСТО: ЗВОНКИ ПО ВИДЕОСВЯЗИ НЕ ЗАМЕНЯЮТ ЖИВОГО ОБЩЕНИЯ, А ПРОГУЛКА НА БАЛКОНЕ — СОВСЕМ НЕ ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЙТИСЬ ПО УЛИЦАМ ГОРОДА И ПОСИДЕТЬ В ЛЮБИМОЙ КОФЕЙНЕ. НО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НА ДОЛГИЕ МЕСЯЦЫ ОСТАЕТСЯ БЕЗ ПРИВЫЧНЫХ БЛАГ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБРАТЬСЯ К ЛЮДЯМ, ТАКАЯ САМОИЗОЛЯЦИЯ ПОКАЖЕТСЯ ПРИЯТНЫМ НЕЗАПЛАНИРОВАННЫМ ОТПУСКОМ. ГЕОЛОГ, ПОЛЯРНИК И МОРЯК ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ **ДМИТРИЙ НИКИТИН** РАССКАЗАЛ «СЛОВАМ», ЧЕМ СПАСАЕТСЯ ОТ СКУКИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ДОЛГИХ ЭКСПЕДИЦИЙ, КАК НАХОДИТ СЧАСТЬЕ В ПРОСТЫХ ВЕЩАХ И ПОЧЕМУ ОДИНОЧЕСТВО — ЭТО ХОРОШО.

— **П**осле школы я выбрал геологический факультет, потому что это дает возможность ездить и проводить исследования по всему земному шару. А так — стал бы космонавтом, если бы не рост: раньше было ограничение — не выше 170 сантиметров, потом 190, а у меня — 194. И то и другое — активные, интересные профессии. Геология — это не один вид деятельности. Производственная часть инженерной геологии занимается грунтами под конструкции, а научная — очень разными сферами, от геохимии до теплового потока, который связан с геофизикой. Сначала я занимался общей геологией, потом стал интересоваться морской — шельфом Баренцева моря. Начались экспедиции в Арктику, например, по ее очистке от бочек. Арктика очень интересная и неисследованная — там попадаешь в такие места, где еще никто не бывал. Затем я стал полярником, а сейчас занимаюсь научной деятельностью, связанной с тепловым полем Земли, и инженерной геологией — это строительство мостов, дорог, заводов.

Я езжу по всей России, а страна у нас большая. Если взять исследования, связанные с моим институтом, мы занимаемся как Атлантикой, срединно-океаническими хребтами, где рейсы длятся по два-три месяца, так и Арктикой, где они затягиваются на полгода и больше. Сейчас я занимаюсь архипелагом Новая Земля — раньше это был военный полигон, и там никакие геологические исследования не проводились. Теперь Арктику потихоньку открывают, военные дают участки, на которых можно работать. Интересно исследовать что-то первым.

Специалистов не так много, поэтому круглый год можно провести в командировках. Пока большинство людей на самоизоляции, у нас работы хватает, она никуда не делась. Я восьмой месяц в Калининграде, мы тут занимаемся строительством моста через Калининградский залив. Еще по Якутску через Лену мост запустили. До этого строили дорогу Владивосток — Находка. Я не работаю вахтовым методом — у нас в разных местах идет строительство, участвую везде. Из крупных проектов Керченский мост был, и мы там целый год просидели.

Научная деятельность более спланирована. Например, на этот год у меня заложено съездить в экспедицию на Новую Землю на месяц-два, а потом обрабатывать материал — год писать статьи, ездить на конференции, слетать в Якутск в институт мерзловедения. А в производственной части куда пошлют, туда и еду. Люблю Дальний Восток, пытаюсь все объекты там себе забрать. Я бы там вообще жил, но семья против.

В полях — так у нас принято называть любую командировку — больше спокойствия и дисциплины, когда коллектив небольшой. Есть четкое понимание, кто за что отвечает, все завязаны друг на друге и все происходит по расписанию. Если в лагере шесть человек — все нормально, а вот если шестьдесят — зачастую начинаются проблемы. В экспедиции на судне быт налажен, все есть — уборка в каютах, трехразовое питание, ты за неделю знаешь, чем будут кормить. Только интернета нет, и то на хороших судах он бывает. Там, как я говорю, детский лагерь. А в серьезных полях, как, например, на Камчатке, все сложно. Там весь быт зависит от коллектива и от тебя самого. Нужна тебе обустроенная палатка, сам этим и будешь заниматься. Быт в лагере надо постоянно поддерживать — печку топить, воду носить.

4. Наро-Фоминский район Московской области, вблизи деревни Могутово

5. Маяк на мысе Каменского в бухте Врангеля

6. Устье реки Сучан вблизи Находки

1, 2. Станция Обская в городе Лабытнанги, Ямало-Ненецкий автономный округ

3. Мыс Астафьева, Находка

Самое главное, чтобы повар был и врач, если что заболит. Каждая экспедиция — это перестройка организма. Даже если на Дальний Восток едешь, там будешь неделю только приходить в себя от смены часового пояса. Поэтому первый месяц нет никакой тяжелой физической нагрузки. На Камчатке есть серьезные маршруты, 15–25 километров лазать по горам. Это тяжело, поэтому вначале все привыкают ходить, водичку пить. Там же и вода другая, желудок иначе работает. Если тяжелые условия, привыкание может длиться и до двух месяцев. Потом начинается обычная спокойная работа, и уже даже не думаешь об этом, просто идет один день за другим.

СПОКОЙСТВИЕ И ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ — БОЛЬШЕ НИЧЕГО И НЕ НАДО. У НАС В ЭКСПЕДИЦИЯХ НЕТ ГРУСТНЫХ РЕБЯТ, ВСЕ ВЕСЕЛЫЕ, С ОПТИМИЗМОМ ВСТАЮТ УТРОМ. БЫВАЕТ, КОНЕЧНО, ТЯЖЕЛО В СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ, НО ТАМ НЕ ИЗ-ЗА ЧЕГО РАССТРАИВАТЬСЯ. ЖИВЕШЬ ДА ЖИВЕШЬ. НАША РАБОТА — ЭТО ЦЕЛЫЙ ОСТРОВ, ЛЕС, ЦЕЛЫЙ МИР.

Самые сложные экспедиции — по Арктике: туда трудно попасть, и улететь тоже тяжело. Там непростые климатические условия, выбираться оттуда приходится в несколько этапов. Если у тебя что-то заболит, ты в Арктике можешь и остаться — тебя не спасут, потому что никто не прилетит. Например, в Билибино на Чукотку прилететь еще можно, а обратно вертолет две-три недели можешь ждать. Работу сделал, а улететь не получится. Новая Земля — это самые удаленные места, там никто не ходил. На Новой Земле боишься не животных, а что человека вдруг встретишь. На Земле Франца-Иосифа 193 острова, там есть остров Рудольфа, это самый север. Экспедиции там были сто лет назад, и до сих пор стоят остатки домов.

Физически перестраиваешься месяц, а мозгами — в несколько этапов. Первые две недели всегда отличные — всем весело, интересно походить и посмотреть новое место, какая-то романтика. А вот после двух недель уже сложнее. Основной трудный период наступает обычно после двух месяцев, потом — после четырех. Через два месяца ты устаешь ото всего и ото всех, а через четыре тебе уже кажется, что всю жизнь здесь живешь. Главное, чтобы работа была. Если делать нечего, становится очень тяжело. Мы однажды на Сахалине месяц не работали, потому что все время валил снег. И там даже книжек не было. Спишь целыми днями и ешь. Очень быстро учишься долго спать. Потом тебя спрашивают: «Дима, у тебя флюс?». А это щеки, так ты отъелся и выпался. Порисовать еще можно, я рисовать люблю, какие-то вещи на компьютере разобрать, если он есть.

ЕСЛИ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЛИТСЯ ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ИЛИ ГОД, ЛЮДИ МЕНЯЮТСЯ. ПОСЛЕ ТАКОГО ТЫ УЖЕ НЕ БУДЕШЬ ПРЕЖНИМ. И ТЫ ПОТОМ НЕ МОЖЕШЬ НЕ ПОЕХАТЬ СНОВА.

На судне еще более или менее. Есть в Атлантике такая история: переход судна между точками может длиться больше недели. Пересекли экватор, и капитан говорит, что переход будет одиннадцать дней. И ты все это время ничего не делаешь, живешь по расписанию. Капитан объявляет, какое сегодня число, какое время и желает всем приятного аппетита на завтрак. Молодые обычно начинают какие-то фильмы смотреть, кого-то донимают. А профессионалы знают, что делать: время заняться наукой, книги читать, писать статьи, подумать. Спокойный образ жизни вести, в баню сходить вечером. Потом ты один день на месте поработал — и снова переход на десять дней, и снова ничего не делаешь. Вот в этом сложность — когда работы нет. Когда она есть, вообще никаких проблем. Наоборот, тогда думаешь, когда б выходной один выпал или дождь пошел — мы же в командировках без выходных работаем, нагрузка большая.

Когда остаешься один на один с собой, то начинаешь размышлять обо всем, разные психологические теории выдвигаешь про себя. Ни о чем слишком серьезном лучше не думать — можно уйти в депрессию. Надо во всем плюсы искать, минусов и так хватает. Лучше читать. Но самое главное — уживаться с самим собой. Например, ты думаешь: зачем мне такая работа, я семью и детей не вижу. Вот это — не уживаться с собой. Если ты работаешь, надо получать от этого удовольствие. Если лежишь в каюте десять дней и ничего не делаешь, надо сообразить и подумать, чем заняться. Ну и о себе поразмышлять, о целях в жизни, чем хочешь заниматься.

ВСЕ ПОЧЕМУ-ТО ЭТО НАЗЫВАЮТ ОДИНОЧЕСТВОМ, НО ЭТО НЕ ОДИНОЧЕСТВО, А СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, КОГДА ТЫ МОЖЕШЬ ЗАНЯТЬСЯ СОБОЙ И ПРОБЛЕМАМИ В СВОЕЙ ГОЛОВЕ. ЧАСТО ВРЕМЕНИ НА САМОГО СЕБЯ НЕ ОСТАЕТСЯ, ПОЭТОМУ, КОГДА СЛУЧАЕТСЯ ТАКОЕ УДИВИЕНИЕ, ЭТО НЕПЛОХО.

Вообще я считаю, что человек частенько должен бывать наедине с собой. Но некоторые не выдерживают, и через месяц их отправляют домой на вертолете. Когда в Баренцевом море работали, у одного товарища уже через три недели кукушка полетела — он развел трехлитровую банку кофе и ходил крестил судно. Многим тяжело. Человек привык к социуму, а тут такая изоляция. Но чем чаще ездил в такие командировки, тем лучше с этим справляешься. У меня первые поля были очень сложные, а потом все стало проще, и уже есть целый набор интересов, чем можно заняться в свободное время.

Все вокруг говорят про самоизоляцию. Я бы им рассказал, что такое изоляция. Это когда обрубает интернет, все телефоны и дают спутник — пять минут в неделю, чтобы позвонить родным. Вот это изоляция. Или когда нет еды. На Новой Земле и на Камчатке не было забросов продуктов, и ловили рыбу сами. Ты, конечно, проживешь, на природе можно найти еду. Но вопрос в том, что все равно привыкаешь к человеческим благам — например, обычная чистая газированная вода, а не из ручья. Охота чего-нибудь сладкого съесть, а ничего нет. И общаться-то не с кем, пять-шесть человек всего. И в таких условиях находишь занятие — поохотиться, рыбу поймать. То, что из дома нельзя выходить, — это не самоизоляция. У нас и так процентов пятьдесят людей сидят дома. Человек при-

вык к фастфудной информации — инстаграм и вся эта история. Забить быстро голову перед сном, чтобы уснуть. Я, наоборот, сел бы и почитал что-то — а у меня 25 отчетов и просто времени на это нет. А они скучают — в инстаграм бы сделать фотографию.

Если ты человек социальный и привык каждый день с кем-то общаться, тогда тебе тяжело. А большинство же живет от работы до работы — что там пять лиц видит, что дома. Может, если дома не все хорошо, то тяжело. А если все нормально — что дома-то не посидеть? Провести время с близкими — это прекрасно. Не все это ценят. Я люблю свою работу, но время в семье — это основная часть жизни.

Ценности после экспедиций совсем другие становятся. Чистая постель, удобная обувь, обычная русская еда и баня — уже хорошо. Больше ничего в жизни и не надо. У меня был опыт, когда я 65 дней не мылся вообще, и я вам скажу, что искупаться — это большое счастье. На полуострове Гыдан на Ямале есть поселок Тазовский. Там коренные народы только лицо умывают, и искупаться просто негде. И когда ты наконец моешься через 65 дней, понимаешь, что цивилизация — неплохая вещь. Немного надо для счастья. Но ты это понимаешь, когда теряешь. Во время самоизоляции у людей отняли возможность вечером в кафе посидеть, и теперь они это ценить начали. А я не каждый день в кафе хожу и вообще с людьми общаюсь, поэтому всегда это ценю. Приезжаешь в город как обновленный человек, тебе все интересно — в кино сходить, поесть где-нибудь. Когда это есть постоянно, привыкаешь. В полях тоже привыкаешь к плохим условиям, но все равно хочешь обратно в цивилизацию.

Когда приезжаешь домой, тоже приходится привыкать, тяжело мир воспринимать. Недельку в себя приходишь. Полгода ты видишь всего шесть или двенадцать человек, а тут они тысячами идут мимо тебя. Думаешь: «О, другие люди есть, оказывается». Я считаю, что каждый геолог — почти анархист, он свободу любит, а запреты — нет. В полях ходишь, бегаешь, стреляешь, ты — король мира. Там свободы хоть отбавляй, все от тебя зависит. А когда возвращаешься, тебе диктуют какие-то ограничения, и это тяжело.

У МЕНЯ НЕТ В ЖИЗНИ ОСОБЕННЫХ ПРИТЯЖАНИЙ, НАПРИМЕР, НЕОБХОДИМОСТИ В КОМФОРТНОМ АВТОМОБИЛЕ. МНЕ 15 ТЫСЯЧ В МЕСЯЦ ХВАТАЕТ ЗА ГЛАЗА. МНОГОЕ НАМ НАВЯЗАНО ОБЩЕСТВОМ. А ЧЕЛОВЕКУ МНОГО НЕ НАДО, Я СЧИТАЮ. КТО В ПОЛЯХ ПОБЫВАЛ, ЭТО ХОРОШО ПОНИМАЮТ.

7. Шкотовский район
Приморского края

8. Наро-Фоминский район
Московской области,
вблизи деревни Могутово

9. Река
Артемовка,
Дальний Восток

10. Остров
Русский,
поселок Подножье

11. Бухта в
заливе Восток,
Приморский край

В полях совсем нет такого понятия, как деньги. Там работает бартер, как в 1990-х. Деньги после такого сильно обесцениваются. Когда возвращаешься, денег обычно много, но фанатизма по поводу их заработка нет. Если семьи нет, ты вообще свободен и ни к чему не привязан. В поля поехал, и у тебя там свой мир. Например, на природе очень хорошо чувствуешь смену климата. В городе этого особо не понимаешь, а там каждый день что-то меняется — ручьи пробиваются, животные какие-то пошли. Жизнь в полях для меня интереснее, чем в городе. Вот люди любят путешествовать, я тоже проехал все европейские города, но самое интересное — это природа. В США я ездил, чтобы посмотреть национальные парки, у них это все хорошо сделано. В России много национальных парков, но добраться до них — целая история и очень дорого. Например, на Землю Франца-Иосифа или в бухту Тихую тебя привезут за десять тысяч долларов. Моя работа позволяет побывать в тех местах, куда обычно добраться стоит больших денег.

В полях вокруг все-таки есть люди, поэтому не чувствуешь себя одиноким, но вот в семью тянет. Как мы это переживаем? Да никак, в баню сходить и водки выпить. У нас, если тяжело эмоционально, все идут в баню, она снимает любой стресс и дает силы. Другого способа я пока не нашел. В полях баня — главное место отдыха. На всех судах очень хорошие парные, все моряки об этом знают. Говорят, что сначала строят парную, а потом вокруг нее само судно. Когда бывают эмоционально тяжелые дни, звонишь родным, чтобы разрядиться. Связь по телефону спасает, но на это дается мало времени. Конечно, надо отдыхать, домой ездить. С семьей я провожу немного времени, два-три месяца в общем. Пытаюсь почаще с семьей быть, прилетаю на неделю или три-четыре дня домой. И обычно выбираю месяц, чтобы вместе с родными куда-то уехать отдохнуть, не дома, а на природе. Со временем к разлукам привыкаешь, и сами родные привыкают. Спасибо им, что все это терпят. Мне тяжело не видеть, как растет сын, ему скоро два года будет. Но что делать, жизнь такая. Фотографии посмотришь, и то спасибо. Многие так живут — когда содержишь семью, не можешь много времени проводить с детьми. Я считаю, что разлуки — это почва для отношений. ➔

12. Полуостров
Житкова,
остров Русский

13. Поселок
Волчанец, мыс
Седловидный

14. Деревня
Тимохово,
Московская
область

15. Устье реки
Сучан вблизи
Находки

МЕЖДУ МИРОМ И ДУХОМ

ИЗОЛЯЦИЯ ОПЫТ

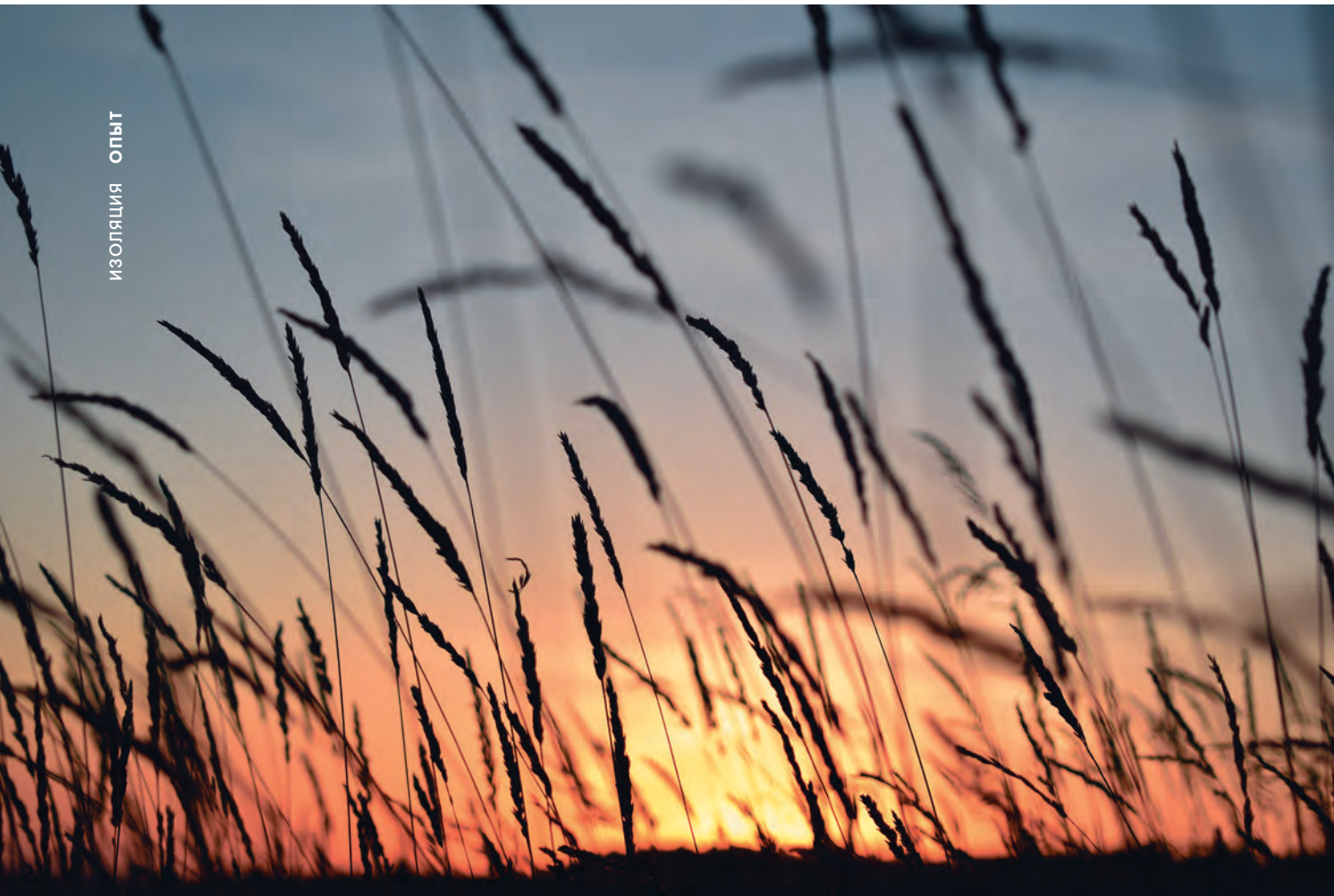

ФОТО МАРИЯ АТЕЕВА

ФОТО АНАСТАСИЯ УСКОВА

ПСИХОЛОГ **ИРИНА МАЛЬЦЕВА**, ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД УЕХАВШАЯ С СЕМЬЕЙ ИЗ ГОРОДА, РАССКАЗАЛА, ЗАЧЕМ ОНА ВЫБРАЛА ЖИЗНЬ В УЕДИНЕННЫХ МЕСТАХ, ПОЧЕМУ СТАРАЕТСЯ НЕ УПОМИНАТЬ ЛИШНИЙ РАЗ НАЗВАНИЕ СВОЕГО СЕЛА, КАК ПОЛУЧАЕТСЯ ОСТАВАТЬСЯ ОДНОВРЕМЕННО ЧЕЛОВЕКОМ ДЕРЕВНИ И ЧЕЛОВЕКОМ МЕГАПОЛИСА И ПОЧЕМУ НАЕДИНЕ С СОБОЙ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СКУЧНО.

Одной из главных причин переезда в деревню были наши дети. Нам хотелось для них живого адекватного детства, чтобы у них была природа, а не страшные места обитания. В какой-то момент у нас появились деньги на однокомнатную квартиру примерно в районе ВАИ. Когда мы примерились к мысли, что вот сейчас покупаем однушку, пригорюнились. Дети тогда были маленькими — одному четыре, второму год, они хотели гулять, веселиться. Они скучали, ходили по съемной квартире кругами, а когда я выводила их во двор, в песочнице были окурки и шприцы. Квартира в районе ВАИ подразумевала такие же прогулки. Нам было совсем невесело от этого.

Еще, когда мы поняли, что нам хватает лишь на однокомнатную квартиру, над нами появилась вывеска «пенсия» — ничего в жизни уже не будет, эта однушка — и все. Решили, что это не наш путь, и начали на эти же деньги искать домик в пригороде. Чтобы ездить на работу в город, как все, потому что профессии у нас вполне городские, мы не крестьяне. В пригороде находили удивительно ужасающие образцы архитектурного искусства, какие-то страшные домики. Попутно увидели в газете интервью, его герои нам понравились, они жили в деревне в Острогжском районе — семья с четырьмя дочерьми, которые лепили картины и мультфильмы из пластилина, занимались дома на семейном обучении. Мы подумали, что было бы интересно с ними познакомиться. Так и вышло, и они пригласили нас в гости. Когда мы приехали в первый раз, они спросили: «Вы же переезжать?». Мы ответили, что нет, ни в коем случае, это же очень далеко. Восемьдесят километров от Воронежа — почти край земли. А потом оказалось, что нам тут самое место, и уже тринадцать лет мы здесь.

МЫ СПЕЦИАЛЬНО НЕ ГОВОРИМ НАЗВАНИЕ НАШЕГО СЕЛА, КОГДА ДАЕМ ИНТЕРВЬЮ. КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА ВЫХОДИТ КАКОЙ-ТО МАТЕРИАЛ ПРО НЕГО, НАЧИНАЕТСЯ ПАЛОМНИЧЕСТВО ОДУХОТВОРЕННЫХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ИЩУТ ЗДЕСЬ РАЙ ЗЕМНОЙ. ЭТО НЕКАЯ ИЛЛЮЗИЯ. НАМ ПРИХОДИТСЯ ИХ ВОДИТЬ НА ЭКСКУРСИИ — И ЭТО НАДОЕДАЕТ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ НЕ ОСТАЮТСЯ ЗДЕСЬ ЖИТЬ.

Когда мы переехали, тяжело не было — наоборот, все время было весело. Первые полгода прожили у друзей. Они дали нам приют в их стареньком летнем домике, пока мы не найдем себе свой. Там доски лежали прямо на земле, без фундамента, не было горячей воды, стояла печка. Я вообще городской человек, а у мужа бабушка жила в деревне, он все это знает немножко. Мы сразу начали приспосабливаться. Когда выбрали и купили свой дом, в нем был деревенский подход к сантехнике — туалет был на улице, а ванна стояла, не подключенная к водопроводу. И первое время мы от колодца перекидывали шланг через форточку, такое у нас было водоснабжение.

Постепенно все устроилось. У нас не было цели жить в аскезе, мы не отшельники. Сейчас у нас уровень комфорта выше, чем в городе. Но в нашем доме нет мобильной связи. Она ловится, только если залезть на второй этаж и принять неудобную позу, высунувшись в определенное окно. Во всем селе только у нас так, потому что мы зажаты между лесом и холмом, поэтому в радиусе трехсот метров связь очень неустойчивая. Нам это очень нравится — не звонят всякие разводилы из банков. Все знакомые и клиенты связываются с нами по интернету, а он у нас хороший.

У меня есть участок, который прилегает к дому, — это сорок соток. Он засажен травой для коней, на нем стоит теплица, есть газон и курятник. Через дорогу наш сад — соток шестьдесят. Там растут старые деревья, которые уже не очень плодоносят. В этом саду гуляют наши кони. В юности я занималась конным спортом, работала тренером — это моя параллельная профессия и большая любовь. Я всегда знала, что у меня будут свои лошади. Когда мы переехали, завели двух. И это уже не спорт, а совместная жизнь, любовь. Выйти после сна из дома и обнять коня — бесценно. Еще у нас две большие собаки, я их люблю. Есть куры, и это тоже такая роскошь — пойти с утра отобрать тепленькое яйцо и сделать себе омлет.

Я очень сочувствую тем, кто в городской квартире сидит с маленькими детьми. Дети имеют право на безопасный и интересный мир вокруг, а не только на четыре стены жилища. У каждого должно быть свое пространство, и маленьким оно нужно не меньше, чем взрослым. И хорошо бы, чтобы там было побольше неба, травы, деревьев, просторов. Пока ребенок все это исследует, родители могут заниматься своими делами. Работать, например.

Когда приехали сюда впервые, нас привели на самую высокую точку села, и мы обалдели от красоты. Есть такое место — памятник, он над Доном, который здесь делает излучину. Там совершенно бескрайние просторы, которые кончаются Дивногорьем, и его видно — такая чаша с белыми краями. Наши окрестности — не черноземная равнина, к которой мы привыкли, а холмы, кручи, изгибы. Само село немного диковатое, здесь дома стоят не по квадратно-гнездовому принципу, а есть одна очень длинная улица, на которой где-то может не быть домов, потом поворот, овраг, холм и — опять дома. У нас ближайшие соседи — на расстоянии двухсот метров, и это очень нам нравится. Тут дико, красиво, уединенно — можно пойти гулять и за три часа никого не встретить. Мы рады, что живем на отшибе. У нас совсем нет дачников — это кондовая деревня, которая когда-то была заложена Петром, и с тех пор здесь мало что меняется. Люди живут таким же укладом, что жили раньше. У всех здесь большие огороды. Селяне растят веники и вяжут их в промышленных масштабах. А правильно связанный веник — это, оказывается, очень красиво. Небольшая часть жителей работает на государственных должностях — на почте, в школе. Мужчины — в соседнем хозяйстве комбайнерами, трактористами.

ЕСТЬ ТАКИЕ МЕСТА ВОКРУГ НАС, ГДЕ ТЫ ВООБЩЕ ОДИН С МИРОМ. ПРИЕЗЖАЕШЬ И ПОНИМАЕШЬ, ЧТО СЮДА НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА ПАРУ НЕДЕЛЬ ИЛИ МЕСЯЦ. И ТЫ ПРОЖИВАЕШЬ СЕБЯ МЕЖДУ МИРОМ И ДУХОМ. ЭТО ГЛУБОКО ТРОГАЕТ И, ДУМАЮ, РАДИ ТАКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЛЮДИ ЕЗДЯТ В ПУТЕШЕСТВИЯ В КАКИЕ-ТО УЕДИНЕННЫЕ МЕСТА. А У МЕНЯ ЭТО РЯДОМ.

Очень удивительно — найти рожок козули, который она сбросила, и понимать, что никто здесь не проходил и не нашел его до тебя. Подобрать на прогулке старенький хороший ножик и понять, что, наверное, охотник или травник потерял его много лет назад. От безлюдья здесь много зверей. Когда ездим верхом, периодически видим кабанов и косуль. Можно просто пешком идти и зайца встретить. Я могу работать онлайн с клиентом, а краем глаза в окне увидеть лису, которая идет через соседский огород по своим делам. Прошлая зима была снежная, мы ехали однажды по деревне и увидели лису, которая стояла на сугробе, свесив лапы на забор, и заглядывала к кому-то на участок, типа: «А куры-то выйдут?». Иногда лисы дружат с кошками. Бывает, на поле мышь кует лиса, а кот ей помогает — у них рабочие пары.

Русская деревня — это место, которому доставалось всегда: крепостное право, революции, коллективизации, раскулачивание. Поэтому у деревенских появилось свойство: никому сразу не верить. Они слушают, кивают, обсуждают между собой, созидают мифы про доброго и злого царя. Но это не выводы, а скорее процесс переработки информации. Суждение они вынесут сильно позже, и это будет очень здравое суждение. В условиях пандемии деревенские не закупали туалетную бумагу, как городские. У каждой бабушки на селе и так всегда есть запасы — несколько пачек соли и сахара, мешок муки, крупы. То, что происходит в городе, они будут осмыслять, когда все утрясется. Сельские жители очень хорошо фильтруют и делают выводы. Я думаю, что русская деревня способна выжить и приспособиться даже после ядерной войны.

У нас очень мало входящих раздражителей — ближайший рекламный щит в сорока километрах от деревни. За неделю ты можешь встретиться всего с пятью-десятью людьми. И поскольку входящей информации мало, производится много исходящего. Сельские люди — мифотворцы и сторителлеры. В городе я могу каждый день ездить в одном лифте с соседями и не разговаривать, а в деревне так не бывает — бабушка тебя на улице остановит и начнет расспрашивать. Пока она с тобой не поговорит и не вытрясет из тебя все новости, не отпустит.

Отношение к городу у меня не изменилось. Есть деревня, есть город. Это два разных мира, оба люблю. Что в них менять? Эти два мира имеют множество соединяющих проходов, мы ими пользуемся. Мы люди деревни и города одновременно. Но в селе мы все-таки больше чужаки, понаехавшие. Возможно, по-настоящему здешними смогут стать только наши дети или внуки. Мы отличаемся и живем не так, как местные. Они нас приняли, у нас есть свое место в этом укладе. Но по нам невозможно понять, что мы — жители деревни. Я, конечно, спрашивала себя — не вернуться ли в город. Раз в пару лет рассматриваю эту идею. Дети выросли — один студент, другой скоро окончит школу. И мы с мужем начали в связи с этим задумываться: а какие у нас в этой жизни новые смыслы? И каждый раз, думая, не поехать ли нам теперь жить в город, мы решаем, что нет, не поехать. Пока не хотим. Нам все еще настолько нравится здесь и настолько нравится возможность туда-сюда ездить, что просто переехать в город было бы для нас неудобно, хотя возможность есть. Нам подходит жить на земле и иногда ездить в город — работать или веселиться.

Когда я приезжаю в Воронеж на Юго-Западную автостанцию в ноябре-декабре и вижу эти серые тучи, которые лежат на районе и давят сверху, понимаю, что в деревне зимовать веселее. В такие моменты мне хочется домой.

Естественно, мы садимся в машину и едем в Воронеж всякий раз, когда нам нужно что-то купить или мы хотим в кино, к друзьям. Доехать от нас до Воронежа — примерно столько же времени, как из Отрожки до центра города в час пик. Мы ценим возможность нырнуть в мегаполис и там быть своими, а потом, устав, вернуться в деревню и прийти в себя. Это позволяет нам делать в городе больше, чем наши коллеги, потому что есть возможность так круто восстанавливаться, быть в тишине и без людей. Если бы не было этого маятника между двумя мирами, мы были бы менее эффективными. У меня обширная практика, поэтому я устаю разговаривать, быть постоянно включенной в рабочий процесс, но я могу выйти в безлюдье и отдохнуть.

Моя очная рабочая практика — в трех городах: Москва, Киев, иногда Питер. Я преподаю психотерапию для психологов, у меня группы в разных местах, поэтому я часто куда-то выезжала, а из-за коронавируса пока полностью перешла на удаленную работу.

Не могу сказать, что деревня меня изменила. Я меняюсь просто по ходу жизни. Не видела никого, кто бы сильно изменился в деревне. Скорее она очень подходит для встречи с реальностью. Если ты фантазировал себе, какой ты адаптивный и вообще молодец, а на самом деле нет, упрешься в это очень быстро. Тебе придется либо что-то срочно осваивать, либо вернуться в город, и я видела много таких историй. Это не то место, куда ты приедешь и будешь танцевать в поле с цветочками, как многие одухотворенные люди иногда думают. Деревня — это просто жизнь, и она требует внимания, усилий и многих забот. Если ты доволен собой, миром, жизнью и находишься в равновесии, то тебе будет хорошо везде. Нам здесь очень хорошо, потому что у нас все в порядке внутри. А если внутри нет порядка, то и в деревне его не прибавится.

Я все время наедине с собой, где бы я ни была. Я очень тихий замкнутый человек — за исключением тех моментов, когда работаю. Для меня большое удовольствие несколько дней молчать. Взрослому человеку никогда с собой не скучно. Это вопрос не того, какой бы шкаф еще разобрать, а куда еще можно внутри себя заглянуть и что обнаружить.

КОГДА ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ НАПОЛНИТЬ СЕБЯ, ЭТО ПОДРАЗУМЕВАЕТ ПУСТОТУ ВНУТРИ, А У КАЖДОГО ОНА ПРО РАЗНОЕ, И НАПОЛНЯТЬ ЕЕ НАДО РАЗНЫМ. ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ, У ЛЮДЕЙ ДВЕ ЗАДАЧИ – УЧИТЬСЯ И РАЗВЛЕКАТЬСЯ, ЛЮБАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЛЯЖЕТСЯ В ДВА ЭТИХ ЗАНЯТИЯ. ЕСЛИ РАЗВЛЕКАТЬСЯ НЕ ХОЧЕТСЯ, НЕ ПОЙТИ ЛИ УЧИТЬСЯ? А ЕСЛИ ОТ ОБУЧЕНИЯ УЖЕ ГОЛОВА ПУХНЕТ, НЕ ПОЙТИ ЛИ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ? ЭТО КАК ВДОХ И ВЫДОХ.

У меня своеобразная система ценностей. Наверное, она складывалась еще до деревни, иначе бы мы сюда не попали. Здесь она во многом подтвердилась. Оказалось, что действительно очень значимы другие люди. Если ты за рулем и застрял в поле, забуксовал и некого позвать, чтобы вытащили, — это очень рискованно. Или если у тебя сломался водяной насос и нет какой-то детали, а с соседями ты не в ладах, то тебе никто не поможет. Добрые отношения с людьми и сотрудничество в деревне очень круто прокачаны у всех. Мы рады, что можем наблюдать принципы, на которых строится взаимодействие у местных жителей. Если помочь сельскому человеку, он потом явится к тебе с бутылкой молока или десятком яиц. Сельские очень круто понимают идею равновесия и никогда не забывают быть благодарными — отдарочек за подарочек. Если соблюдать этот баланс, можно большие дела проворачивать — когда ты

один не можешь, к тебе придут и помогут. А потом ты пойдешь помогать. Не время проводить вместе, а взаимодействовать — вот это их ценность.

Еще очень важны семья и близкие люди, чтобы с ними можно было поговорить о чем-нибудь душевном. В деревне у меня появилась радость хорошего разговора. К нам часто приезжают друзья, но все-таки не каждый день, поэтому такие моменты ценны. Или, например, сосед раз в месяц зашел, и выпить с ним ведро чаю и проговорить пару-тройку часов — это ценнее, чем разговоры в городе. И мы вообще начали очень ценить качество всего: воздуха, воды, пищи. Это все влияет на качество того, что с тобой происходит.

Мне очень понравился один диалог в «Фейсбуке» — хозяйка темы задала вопрос: «Что бы вы ответили, если бы кто-то спросил:

«Есть ли тут кто-то, кто умеет...». И люди начали обдумывать, что они умеют еще, кроме своих профессий. Посыпались шуточные ответы вроде: «Я бы откликнулась в качестве человека, который может всех развеселить» или «Рассказать что-то жизнеутверждающее». В деревне с таким набором никак. Я стала думать, что же я могу как человек современный, обладающий городской профессией, которая является порождением благополучной жизни. Повспоминала, что умею, и успокоилась. Я умею принимать роды, прясть, шить и вязать, выпотрошить и ощипать курицу, приручить и объездить лошадь, воспитать собаку, сделать закваску и испечь хлеб, знаю травы. Меня очень порадовало, что среди научных знаний и умений у меня есть земные, основательные, и это делает меня универсальной. И если вдруг этот мир решит пережить большой кризис, эти умения выйдут на первый план. Такую ревизию хорошо иногда делать. ➤

ЦИТАТА

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ МЕНЯТЬ
НАПРАВЛЕНИЕ ВЕТРА,
НО ВСЕГДА МОЖЕШЬ
ПОДНЯТЬ ПАРУСА,
ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ СВОЕЙ
ЦЕЛИ.

ОСКАР УАЙЛЬД

«ЛЮДЯМ НЕ НУЖНЫ ГОРОДА. ПРОСТО ОНИ ЭТОГО ЕЩЕ НЕ ОСОЗНАЛИ»

ИЗОЛЯЦИЯ
ОПЫТ

В 2014 ГОДУ ВОРОНЕЖСКИЙ ХУДОЖНИК **СЕРГЕЙ БАЛОВИН** СОВЕРШИЛ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ ДЕНЕГ ПО ПРИНЦИПУ «НАТУРАЛЬНОГО ОБМЕНА» — РАСПЛАЧИВАЯСЬ КАРТИНАМИ. ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД СЕРГЕЙ ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ КЛАУДИЕЙ БЕККАТО ОСЕЛ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ГОРНОЙ ДЕРЕВУШКЕ РОРА НЕДАЛЕКО ОТ ТУРИНА — МЕСТНЫЕ ФЕРМЕРЫ СОГЛАСИЛИСЬ СДАТЬ ИМ СТАРИННЫЙ ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ В ОБМЕН НА ЗАБОТУ О ЗДАНИИ. ТАК НАЧАЛАСЬ ИСТОРИЯ «ДОМА С ПЕЧКОЙ» — АРТ-РЕЗИДЕНЦИИ, КОТОРУЮ ЕЖЕГОДНО ПОСЕЩАЮТ ДЕСЯТКИ ХУДОЖНИКОВ И МУЗЫКАНТОВ СО ВСЕГО МИРА: ПОБЫТЬ НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ В УНИКАЛЬНОМ МЕСТЕ, А РАСПЛАТИТЬСЯ ЗА ПРОЖИВАНИЕ ПОМОЩЬЮ ПО ХОЗЯЙСТВУ. «СЛОВА» УЗНАЛИ У СЕРГЕЯ БАЛОВИНА, ЧТО ДАЕТ ЕМУ ТАКАЯ ОСОЗНАННАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КАК РЕЖИМ КАРАНТИНА СКАЗАЛСЯ НА ЕГО ПРОЕКТЕ.

— Когда завершил кругосветное путешествие, уже не ставил перед собой жестких рамок не использовать денег совсем. Я продолжал заниматься натуральным обменом, но, если люди готовы были дарить деньги, не отказывался.

В Италии мы тоже практикуем натуральный обмен, но совсем без использования денег не обходимся. Путешествовать без денег все-таки легче, чем жить без них на одном месте. Но вопрос даже не в этом. Нам захотелось реализовать проект коммуны, арт-резиденции, привлечь множество разных интересных людей. А когда на твои плечи ложится ответственность не только за себя и семью, но и за несколько десятков человек, которые у тебя в гостях, организовать жизнь без денег гораздо сложнее. К нам можно приехать без денег или почти без них в качестве помощника, в обмен на еду и жилье. Такое практикуется во всем мире. Еду мы покупаем, люди скидываются, приезжая к нам, а кто не может скинуться — помогают по хозяйству. Какую-то часть еды получаем в обмен на творчество — мы продолжаем менять картинки. Мы также приглашаем пастухов, которые пасут на нашей земле коров, и они дают нам в обмен за это молоко и сыр. Пчеловоды ставят у нас ульи и в обмен угощают медом.

Весь этот эксперимент с жизнью без денег у меня начался с путешествия в Шанхай в 2011 году. Я понял, что можно, например, продать работу и купить за деньги одежду или еду, а можно сразу обменять картину на все это, без денежного этапа. Так же можно и путешествовать, причем интересно и далеко, у меня даже получилось без денег совершить кругосветное путешествие, на которое обычно требуются очень большие средства. Когда мы познакомились с Клаудией, то решили сыграть свадьбу без денег. Мы сделали это в виде перформанса: все приглашенные гости оказались не на свадьбе, а на выставке — вся свадьба была нарисована. Так мы поиронизировали над тем, как люди спускают огромные суммы ради одного-двух дней праздника, который легко можно устроить без лишних трат. Все пришедшие были очень рады и довольны, а мы не потратили ни копейки, но это не отменило самого праздника. Со-

стоялся и медовый месяц, тоже без денег, — мы проехали автостопом через Черногорию и все Балканы до Италии. А в Италии, добравшись до родителей Клаудии, размышляли о том, что финальной точкой этого эксперимента должен стать дом.

Для многих людей дом — это такая история, на которую полжизни копят деньги, потом еще полжизни строят. А можно ли обзавестись домом без денег? У нас было два варианта — либо строить его без денег, либо каким-то образом получить готовый. И тут же, гуляя по горам и окрестностям неподалеку от дома родителей Клаудии, мы обнаружили, что в горах огромное количество старинных заброшенных домов. Полуразрушенных, пустующих и очень красивых. Я задался вопросом, нельзя ли нам как-нибудь один из них получить бесплатно — может быть, от государства, в обмен на восстановление этого дома. Как выяснилось потом, такие программы действительно существуют, но у нас все получилось немного иначе. Отец Клаудии сказал, что знает одно семейство, у которого есть такой заброшенный разрушающийся дом, и, может быть, они будут готовы нам его предоставить.

Этот дом оказался большим трехэтажным зданием, построенным около 120 лет назад. С прекрасным видом, замечательным расположением. Он был в плачевном состоянии, но мы решили рискнуть. Мы поговорили с семьей, которой принадлежал дом, им эта идея понравилась, они легко согласились и отдали нам его. Не то чтобы навсегда, не то чтобы прямо подарили, но просто без каких-либо контрактов и оплат нам разрешили в нем жить, а мы пообещали, что будем о нем заботиться.

Нам удалось восстановить дом своими силами практически без денег. Мы кинули клич, предлагая людям приехать к нам в гости и помочь с восстановлением в обмен на жилье и еду. Это, конечно, заняло какое-то время, но все получилось. Удалось в обмен на портреты получить массу строительных материалов — мы рисовали, а нам дарили всякие штукатурки, краски. Часть строительных материалов мы просто доставали со свалки. В Италии очень хорошо организованные свалки — это не просто горы мусора, здесь все разобрано по разным контейнерам, отдельно пластик, отдельно стекло, картон, отдельно стеллажи с красками. Десятки полок, заставленных огромными банками с краской для интерьера и внешней отделки, порой по 30 литров, некоторые даже не открытые. Видимо, когда вели работы на больших объектах, неиспользованные материалы свозили сюда. И мы, приезжая оставить свой мусор, всякий раз другой мусор забирали с собой. На самом деле, конечно, не мусор, а хорошего качества материалы. Таким образом, мы применили еще и принцип реюза.

ИЗОЛЯЦИЯ
ОПЫТ

Довольно сложно сказать, сколько у нас побывало гостей с того времени, как проект стартовал. Мы «отыграли» уже три сезона, сейчас начался бы четвертый. Первый сезон мы открыли в июне 2017 года с визита команды российских аниматоров, которые каждый год ездят на международный фестиваль в Анси. Например, известный аниматор Иван Максимов с тех пор каждый раз к нам приезжал, привозя с собой коллег. Мы показывали их мультфильмы в своем доме на большом экране — это тоже часть проекта. Если художники едут к нам в арт-резиденцию, то обязательной частью их пребывания здесь становится выставка, показ, перформанс, концерт и так далее.

Всего у нас три категории гостей. Помощники, которые приезжают либо совсем без денег, либо внося минимальную сумму на расходы. Художники, которые часть расходов покрывают своим творчеством — оставляя свои работы в нашей коллекции. Третья категория — гости, которые приезжают просто отдохнуть. Они как раз помогают нам финансово, за счет таких гостей мы можем оплачивать счета за электричество, газ и воду, что стоит недешево в Италии.

Сегодня для нас, конечно, не самое простое время — мы остались без гостей и помощников, но с огромным хозяйством. Кроме первого дома, с которого начался проект, сейчас в нашей резиденции еще три дополнительных здания — два жилых и одно нежилое, которое используется для выставок и творческих проектов. Это дома на соседнем участке, который выставили на продажу в тот же год, когда мы начали проект. И мы, подумав и поняв, что все идет очень интересно и нам нравится, как здесь все получается, взяли кредит и приобрели этот участок.

Без денег здесь не смогли обойтись — конечно, мы за него платим, и до сих пор нам удавалось каждый месяц собирать необходимые суммы. Сейчас все немножко зависло, но думаю, ситуация разрешится. Мы смотрим на все оптимистично и надеемся, что скоро эпидемия пойдет на спад, люди снова смогут путешествовать.

С другой стороны, сейчас многие нам завидуют, потому что эта ситуация загнала людей под домашний арест. И те, кто живет в маленьких квартирах в городах, страдают, наверное, больше всего, не имея возможности выйти на улицу и насладиться весной. А у нас и сами дома довольно просторные, и свой участок земли даже с небольшим лесом, с водопадами, свой кусочек природы.

Еще начиная проект, мы думали о том, что многим людям сегодня нет необходимости жить в городах, просто они этого еще не осознали. Жизнь в сельской местности имеет массу преимуществ: здесь свежий воздух, экологически чистые продукты, больше пространства, солнца. Работать теперь можно удаленно, и все те, кто может это делать, уезжают из городов и сидят в деревнях, повышая качество жизни. Сегодняшняя ситуация все это наглядно демонстрирует. Поэтому мы ожидаем, что у нас изменится контингент гостей. Возможно, в ближайшем будущем, пока границы будут оставаться закрытыми, к нам поедут итальянцы, скрываясь от густонаселенных городов в безопасном экологически чистом месте. Вероятно, люди будут приезжать на более длительное время.

Изначально мы думали о художниках, которым в принципе нет необходимости постоянно находиться в городе. Такие арт-резиденции существуют по всему миру. Везде разные условия, куда-то художники приезжают на неделю, где-то они живут по полгода, работая над своими проектами. Так же было и у нас. Но сейчас мы думаем, что можно расширить границы возможностей. Мы продолжаем работать над улучшением территории. Ведь мы не знаем, сколько продлится эта эпидемия, будет ли она повторяться. Хотелось бы предоставить людям хорошие условия для жизни здесь.

Как и во всем мире, ситуацию с карантином в Италии не сразу восприняли всерьез, долгое время не верили, относились с насмешкой. Но постепенно осознание пришло, и сегодня все довольно строго соблюдают все ограничения.

Лично мы паники не чувствовали, за безопасность не беспокоились. Переживали о том, что накроются наши планы на лето, что и произошло, конечно. С другой стороны, они просто изменились, и мы стараемся сейчас действовать в заданных условиях. Мне искренне жаль, что в марте не смогла прилететь моя мама, которая планировала познакомиться с внучкой — зимой у нас родилась дочь. Наш уклад жизни в связи с карантином не изменился — он скорее поменялся с рождением ребенка. И мы планировали некие каникулы без гостей в «Доме с печкой», но теперь они немного затянулись. В эти дни к нам уже должны были приехать первые помощники. Обычно в это время года мы занимаемся благоустройством территории, сажаем овощи, сеем, делаем ремонт — сейчас происходит все то же самое, просто меньше рабочих рук.

У нас, в отличие от многих, исчезла работа онлайн — раньше мы планировали график визитов, работали с сайтом, вели коммуникацию в Сети с нашими будущими гостями. Сейчас, когда все приезды остановлены, эта работа отпала. Теперь больше работаем в офлайне. Но я не сильно расстроен тем, что меньше времени провожу в интернете. В горах связь не очень хорошая, и я даже не пытаюсь, не трачу время на все это. Без новостей и другой лишней информации чувствую себя гораздо лучше и гармоничнее. Всем советую иногда воздерживаться от Сети.

Чему может помочь такой опыт всемирной изоляции? Поживем — увидим. Конечно, в первую очередь все это подстегнет развитие всевозможных онлайн-сервисов. Еще очень здорово, что машины не пыхтят и самолеты не летают — природа немножко вздохнула. Позитивно-го много. Чтобы не сгинуть в пучине тоски, надо работать. У меня с этим проблем нет — мы с супругой ежедневно занимаемся разной работой. Снимаем с наших домов лишние слои, которыми они обросли за последнее столетие, — например, линолеум и другие синтетические материалы. Колем дрова, работаем на участке, обрезаем деревья, чиним террасы, латаем стены. Сельская работа не дает скучать. ➤

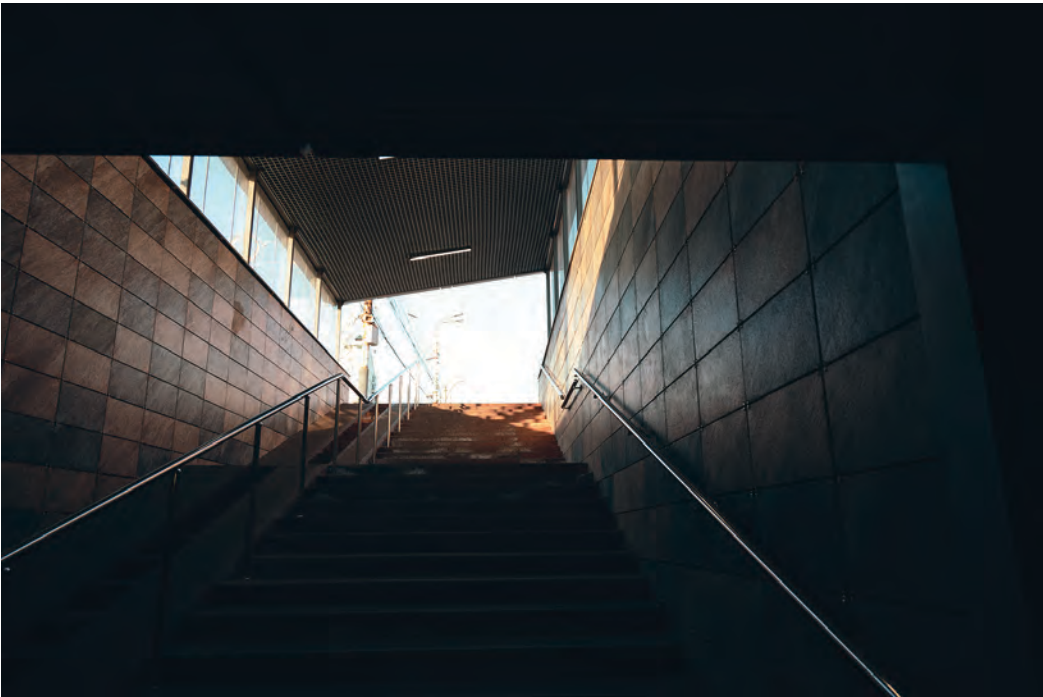
ПЕРЕ- ЗАГРУЗКА

В ПЕРВЫЕ ДНИ
ВСЕОБЩЕЙ
САМОИЗОЛЯЦИИ
ФОТОГРАФ
**АЛЕКСЕЙ
АСТРЕДИНОВ**
ЗАПЕЧАТЛЕЛ
УЛИЦЫ
ВОРОНЕЖА,
КАКИМИ МЫ
ЕЩЕ НИКОГДА
ИХ НЕ ВИДЕЛИ

Ф
о
т
о
п
р
о
е
к
т

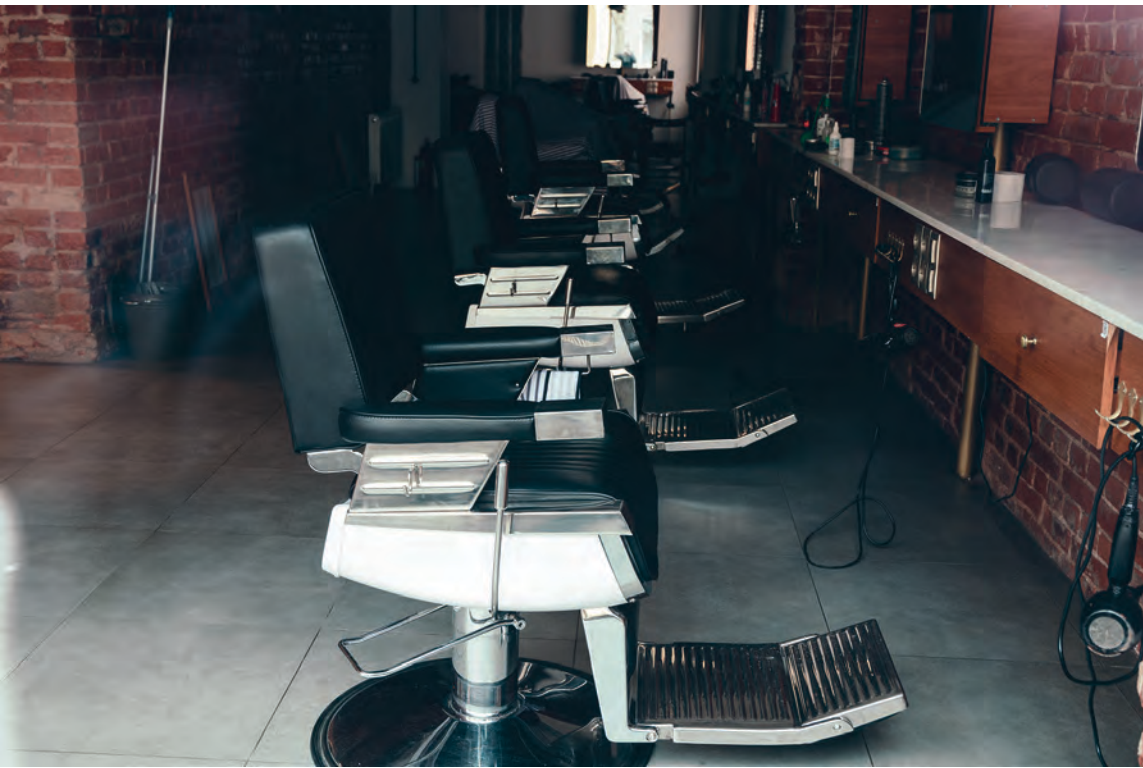
Ф
О
Т
О
П
Р
О
Е
К
Т

Ф
О
Т
О
П
Р
О
Е
К
Т

Ф
о
т
о
п
р
о
е
к
т

Ф
о
т
о
п
р
о
е
к
т

ОДНИ, НО НЕ ОДИНОКИ

ИЗОЛЯЦИЯ ЛЮДИ

ВОРОНЕЖЦЫ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ РАССКАЗАЛИ, КАК В СВОЕ
ВРЕМЯ ПРЕОДОЛЕВАЛИ ОДИНОЧЕСТВО И
ВЫНУЖДЕННУЮ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ СОЦИУМА

Анна ЗАГЕР,
автор проекта «1+1»

Проект «1+1. Учимся жить вместе» появился в Воронеже в 2018 году. Главная задача «1+1» — интегрировать людей с инвалидностью в общество, объединить их, помочь им раскрыть свой внутренний потенциал, перестать с тревогой и недоверием смотреть на мир из окна своей квартиры. Участники проекта гуляют с волонтерами в парках, посещают кинотеатры, кафе, организуют фестивали, семинары, творческие встречи.

— В январе 2017 года, катаясь на коньках, я неудачно упала и сломала ногу. Зима была снежная, и ходить на костылях было сложно. Бордюр или надземный переход для меня были непреодолимы. Тем не менее я старалась вести активную жизнь: ездила в автобусах, ходила в магазины, гуляла, проходила собеседования на работу. Именно благодаря своей активности с костылями мне пришлось увидеть, как люди относятся к тем, кто ограничен в движении. На меня реагировали по-разному. Одни пытались помочь, другие смотрели внимательно, пытаясь разобраться, «инвалид или не инвалид». Я улавливала это в их взглядах, и это меня задевало.

У меня появилось желание что-то изменить в мышлении людей, их представлениях об инвалидности. Я хотела всем рассказать, что со мной ничего не произошло, я прежняя, но отношение ко мне изменилось. По-

сле всей этой истории меня стала интересовать тема безбарьерной среды. Я познакомилась с Ольгой Тимофеевой (организатор пляжа для людей с инвалидностью) и Александром Поповым (организация «Доступная среда»), они оба на колясках, но ведут активный образ жизни и на своем опыте знают, как сложно обстоят дела с безбарьерной средой в Воронеже. Так сложилось, что в том году я стала волонтером в некоммерческой организации AIESEC, осуществляющей международную программу стажировок по всему миру. Нашей задачей было привозить иностранных волонтеров в воронежские и липецкие детские летние лагеря. Там я получила огромный опыт и предложила нашей команде организовать собственный проект — для людей с инвалидностью, и привезти на него иностранных волонтеров. Название мы позаимствовали у одноименного французского фильма с участием Омара Си и Франсуа Клузе.

В Воронеже на тот момент не было благотворительных организаций, которые бы занимались досугом людей с инвалидностью старше 18 лет, предстояло все делать самим. Сначала команда проекта состояла из студентов, но вскоре у ребят началась сессия. А мероприятия к тому времени у нас шли уже ежедневно. И тут на помощь пришли сами инвалиды. Так у нас появились логист, копирайтер, пиарщик, сммщик, тренеры и многие другие помощники, без которых проект бы не состоялся. Сейчас в нашем сообществе 150 активных участников с инвалидностью. Мы подарили друг другу искреннюю любовь и осознание, что для счастья нужно не так уж много. Когда мы расstaемcя, всегда кричим громко: «И мы счастливы!». Это дает всем силы и смысл жить дальше.

Евгений *БАРДИН*

— У меня с рождения ДЦП, но это не мешало закончить школу с золотой медалью. Я поступал в Московский международный литературный лицей, но дистанционного обучения тогда не было, учиться оказалось сложно. Около 30 лет я прожил в малогабаритной хрущевке на четвертом этаже без лифта, лишь изредка выходя на балкон и выезжая на десять дней на летнюю турбазу. Все остальное время я жил ожиданием этих счастливых десяти дней. Самостоятельно выбраться на улицу я не мог, инвалидная коляска не проезжала в узкие двери и коридор. Так что режим самоизоляции, который, судя по социальным сетям, тяжело дается большинству людей, мне хорошо знаком. Я прекрасно знаю, каково месяцами сидеть в четырех стенах и как большого чуда ждать выхода на свежий воздух. К счастью, мне удалось переехать на первый этаж, а благодаря проекту «1+1» я начал выбираться на улицу намного чаще. Волонтеры в буквальном смысле носят меня на руках. Алина Миронова, фотомодель и будущий правозащитник, предложила мне помощь по дому, сопровождала меня на мероприятия, кормила с ложечки. Прошлым

ИЗОЛЯЦИЯ ЛЮДИ

летом мы часто гуляли с ней в парках и на пляже санатория Горького. Алина стала для меня не просто волонтером, она моя муза. Когда она возила меня на коляске, то пела песни, а я писал для нее стихи.

Сейчас приходится сидеть дома, но волонтеры и друзья меня не забывают. Трижды в неделю приносят свежие продукты, звонят, едят, ведь важна и пища духовная. Алина сейчас уехала из Воронежа к родителям, но мы продолжаем переписываться. Я каждый день отправляю ей четверостишия.

Константин *МАЛАХОВ*

— Среди участников проекта много одаренных людей — кто-то играет на музыкальных инструментах, поет, сочиняет музыку и стихи, кто-то рисует портреты, кто-то замечательно танцует, кто-то делает удивительные поделки, игрушки, инсталляции. Я ни разу не пожалел, что стал частью этого. С нами занимаются психологи, коучи, бизнес-тренеры, специалисты по праву, социальному предпринимательству и многие другие. До самоизоляции мы посещали лекции, выступления приглашенных артистов, музыкантов, кинотеатр, в кинозал которого маломобильные люди могут попасть без проблем.

В рамках проекта мы занимаемся проблемой доступности общественного транспорта Воронежа для людей с ограниченными возможностями. В том числе проводили проверки на доступность своими силами — ведь кто лучше самих инвалидов знает, что необходимо добавить или исправить? Эта тема широко освещалась в прессе и в соцсетях, было много откликов от воронежцев. Мы стремимся к тому, чтобы каждый мог свободно и самостоятельно передвигаться на общественном транспорте в нашем городе.

На самоизоляции я с конца марта. Дома сидеть не сложно, трудно было только в первые дни, потом появился новый режим дня и стало проще. До обеда я работаю, потом занимаюсь домашними делами, тренируюсь. Начал закаляться по методу Порфирия Иванова. Вечером отдыхаю, смотрю фильмы. Не могу сказать, что мне бывает скучно, всегда есть чем заняться. Вот чего не хватает — так это движения, смены мест.

Екатерина *КАЧАЛИНА*

— Меня, как человека, у которого инвалидность детства, пригласили принять участие в уроках доброты, это идея колясочника из Москвы Виктора Счастливого. Суть их в том, что люди с ограниченными возможностями здоровья приходят в школы и рассказывают, что мы такие же люди, только

с некоторыми особенностями, объясняют, как с этими особенностями взаимодействовать. Меня это очень увлекает — глаза детей, которые слушают наши истории, их рассуждения, слова благодарности. Я стала активистом этого движения. Ко мне начали поступать приглашения от родителей в классы, где учатся их дети. Я пишу об этих уроках в соцсетях и вижу, что они нужны нашему обществу. Они также нужны и ребятам, которые эти уроки ведут. Таким образом они преодолевают свои внутренние барьеры.

Наше сообщество объединило людей с различными видами инвалидности в нашем городе. Здесь они чувствуют себя свободно, у каждого есть возможность выразить себя с лучшей стороны. К нам приходят волонтеры и автоволонтеры — это удивительные люди, которые готовы потратить свое время и силы на то, чтобы сделать жизнь другого человека чуть радостнее, а взамен они получают благодарность и, я надеюсь, понимание смысла своего существования.

Дарья *САДЧИКОВА*

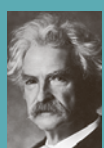
— У меня третья группа, тремор рук, но я с сохраненным интеллектом, могу ходить, говорить, слышать и видеть, поэтому мне живется легче, чем многим другим, у кого проблемы со здоровьем куда серьезнее, и я должна им помогать. Если я раньше была замкнутой и закомплексованной, то сейчас свободно общаюсь с разными людьми, смогла найти в себе новые качества и таланты. Узнала, что существует спортзал для людей с ограниченными возможностями

здоровья, в прошлом году получила медаль на спортивном фестивале, участвовала в соревнованиях по академической гребле на тренажерах, сдала нормы ГТО. Психологические тренинги, организованные командой проекта, очень помогают разобраться в себе и раскрыть свои способности. Мы с ребятами, в том числе на колясках, участвовали в танцевальном флешмобе, постановщиком которого стал Евгений Денисенко. Разучили танец, а потом выступали с ним в парках и скверах. Люди очень позитивно реагировали и даже повторяли движения. Было так приятно — люди раскрываются, общаются и забывают о своих недугах и комплексах, просто кайфуют!

Не зря говорят, что к хорошему привыкаешь быстро. За время, проведенное в самоизоляции, я поняла, как дорого простое общение с близкими. Мы общаемся с родителями по видеосвязи, но это не может заменить теплых объятий. Недавно у меня был день рождения. Я провела его одна, но поддержка и поздравления ребят из проекта не дали почувствовать себя одиноко. Мне пришло около 50 сообщений, я была безумно счастлива. Если говорить об отношении к сложившейся в мире ситуации, то могу сказать, что не паникую и настроена философски. Мы должны навести порядок прежде всего в своей голове и в доме. Я занялась повторением английского языка, читаю книги и пишу стихи, занимаюсь уборкой, смотрю интересные фильмы и, конечно, общаюсь по телефону. ➔

ЦИТАТА

САМЫЙ
ЛУЧШИЙ СПОСОБ
ПОДБОДРИТЬ СЕБЯ —
ЭТО ПОДБОДРИТЬ
КОГО-НИБУДЬ.

МАРК ТВЕН

«КОГДА ТЫ ВНЕ ЗОНЫ КОМФОРТА, УЖЕ НЕ СТРАШНО ЧТО-ТО МЕНЯТЬ»

КРИЗИС ЗАТРОНУЛ ВСЕХ. В РАЗНЫХ СФЕРАХ И РАЗНЫХ КОМПАНИЯХ ОН ПРОЯВИЛСЯ ПО-РАЗНОМУ: КОМУ-ТО НАДО ПЕРЕСТРАИВАТЬ РАБОТУ НА НЕСКОЛЬКО СТРАН ИЛИ РЕГИОНОВ, А КОМУ-ТО — ЭЛЕМЕНТАРНО ВЫЖИВАТЬ И СПРАВЛЯТЬСЯ С АРЕНДОЙ. НО ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАСШТАБА БИЗНЕСА ВСЕМ СЕЙЧАС ПРИХОДИТСЯ ПРЕДПРИНИМАТЬ НЕСТАНДАРТНЫЕ ШАГИ, ИСКАТЬ НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЫНКУ, ДУМАТЬ, КАК ЗАЩИТИТЬ И ПОДДЕРЖАТЬ КОМАНДУ — НЕ ВАЖНО, ПЯТЬ ЭТО ЧЕЛОВЕК ИЛИ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ. ОДНИМ СЛОВОМ, ДЕЛАТЬ ТО, ЧЕГО НЕ ДЕЛАЛИ РАНЬШЕ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОРОНЕЖСКОГО БИЗНЕСА — ОТ КРОХОТНОГО ДО ОГРОМНОГО — РАССКАЗАЛИ «СЛОВАМ» ОБ ОПЫТЕ, КОТОРЫЙ ОНИ ВЫНЕСЛИ ИЗ КРИЗИСОВ РАЗНЫХ ЛЕТ.

ЕЛЕНА ФЕДОРОВА,
старший вице-президент по развитию
бизнеса, Восточная Европа,
компания DataArt

— С момента основания в 1996 году и вплоть до 2001-го DataArt занимался самыми разными интернет-проектами. Это было время активного роста, но в 2000–2001 годах случился кризис доткомов, который ударил сразу по всей IT-индустрии. Компания потеряла всех клиентов, кроме основного, многие уходили с неоплаченными долгами. Ключевой клиент, Mail.ru, выстоял и усилился, но новые условия сотрудничества, которые он предложил, не устроили основателей DataArt, поэтому пути партнеров разошлись. В первый кризис из 120 человек в команде остались 40. Компания даже планировала отказаться от офиса, но совместно с сотрудниками приняла альтернативное решение — временно снизить зарплаты на 20 %.

О
п
ы
т

Пока шел поиск новых клиентов, вели ликвидити-репорт, чтобы не пропустить момент, когда денег останется ровно на выплаты выходных пособий. Через год после пиковой точки кризиса средств осталось примерно на два с половиной месяца. Ближе к риску закрытия DataArt не подходил никогда. Но в этот же момент удалось переломить ситуацию и начать постепенный рост. Тот кризис помог компании диверсифицировать клиентский портфель, выйти на новые рынки, стать более гибкими и конструктивными в отношениях с клиентами, скорректировать внутреннюю инфраструктуру, понять, что человеческий фактор не менее важен, чем программное обеспечение.

Новые вызовы принес ипотечный кризис в США и мировой экономический спад в 2008–2009 годах. Иллюзии, что проблемы не затронут IT-сферу, быстро исчезли. DataArt потерял около 30 % оборота и балансировал на грани убыточности. Тогда компания впервые привлекла внешние инвестиции. Отказавшись от планов по расширению, все свободные ресурсы инвестировали в развитие технологической инфраструктуры и совершенствование бизнес-процессов. В этот период был заложен фундамент для роста на несколько лет вперед. И это сработало: послекризисные 2010–2012 годы стали лучшими в истории DataArt по показателям эффективности. Тогда мы поняли, что экономические спады и подъемы не длятся вечно, по мере роста компании нужно будет снова и снова пересматривать бизнес-процессы, а кризис помогает увидеть проблемные участки и принять более смелые решения.

Политический кризис 2013–2014 годов, связанный с украинской революцией и российско-украинским конфликтом, тоже был ощутимым. Внутри компании все было мирно, рабочие процессы не пострадали, но наши команды были распределены почти поровну именно между Украиной и Россией, и это беспокоило клиентов. Мы виртуализировали инфраструктуру, обеспечили центры разработки в Украине спутниковым интернетом и резервными источниками питания. И сделали рабочие процессы прозрачными для клиентов. Ни одного из них DataArt в итоге не потерял.

Еще одно решение, к которому подтолкнул кризис, — расширение географии. Мы открыли центры разработки в Буэнос-Айресе и в Люблине. Перешли на английский в качестве рабочего языка, стали действовать сразу в нескольких культурных, ценностных и правовых системах.

В условиях пандемии уже в марте в компании появились новые внутренние правила: сотрудникам, приехавшим из стран, где были зафиксированы случаи заболевания, рекомендовалось на 14 дней уходить в самоизоляцию и работать удаленно. Любой мог работать из дома по согласованию с командой. Мы отменили подготовку офлайн-ивентов. С 19 марта закрыли офисы во всех локациях, в том числе и в Воронеже, хотя в России режим самоизоляции стали вводить только 30 марта. Было немного досадно: в декабре воронежский центр разработки переехал в новый большой офис, мы только начали его обживать. Расставаться с офисом было действительно больно. И сделать это надо было оперативно — за три дня сотрудники подготовили дома рабочие места: они могли забрать компьютеры, мониторы, даже офисное кресло, если это нужно.

Возможность удаленной работы учитывалась в наших бизнес-процессах, а команды всегда были распределенными. Но впервые вне офиса оказались все без исключения 3000 сотрудников, это совершенно новый опыт. Внутри компании мы сконцентрировались на оптимизации рабочих процессов, следовании политике безопасности. Сейчас мы стараемся поддерживать не только рабочие коммуникации, но и неформальные связи между сотрудниками. Есть глобальные инициативы: Wellbeing Week (цикл вебинаров про ментальное и физическое здоровье), «Клуб диванных футурологов» (онлайн-встречи с руководителями компании), еженедельные вебинары для детей разных возрастов, чтобы немного отвлечь их и дать родителям возможность спокойно поработать. Есть локальные события. Так, в Воронеже сделали чат-«болталку», где можно делиться эмоциями, коллеги рассказывают о своих увлечениях, уже прошли мастер-классы по акварели, приготовлению кофе, раздельному сбору мусора, планерному спорту. Именно в Воронеже придумали новый формат — детский сад онлайн для деток четырех-шести лет. Три раза в неделю рисуем, играем, делаем зарядку, учим что-то новое.

Делать выводы еще рано, но уже есть ощущение, что наша внутренняя экосистема смогла быстро адаптироваться к новым условиям работы. Ситуация, в которой мы все оказались, уникальная. Я желаю этому миру скорее преодолеть кризис, а компаниям — сохранить свои активы, главный из которых — люди.

МАРИНА ДЖАКЕЛИ, владелица гастробаров DJA+GO и JUST

— В ресторанном бизнесе я с 1996 года, поэтому застала три финансовых кризиса. И удивительно, но заведения, где я работала, выходили из них с поднятой головой. Это были хорошие проекты, и ни в одном из них не произошло серьезного спада из-за кризиса. По моим наблюдениям, ресторанный бизнес в эти моменты чувствовал себя хорошо. Наверное, потому, что рестораны не закрывались, как сейчас. В кризис у людей нет денег на крупные покупки, но они хотят прийти в заведение с приятной атмосферой и расслабиться. В 1998 году я работала официанткой в кафе «Рай», и тогда у нас был шквал посетителей, мы даже открыли второй зал.

В 2014 году я была партнером в ресторане Bar Luskoni. К тому моменту собрала очень хорошую команду, у нас была вкусная еда и классная атмосфера. Мы открыли летнюю веранду, и интерьер сыграл свою роль — люди шли на красивую картинку. Мы не побоялись вложить в ресторан во время кризиса, что сыграло нам на руку. Это был рискованный шаг, но постоянные улучшения — действенная мера. Хорошее обслуживание, вкусная кухня, приятная атмосфера и интерьер — четыре главные составляющие, которые необходимы успешно ресторану всегда.

У меня есть собственный секрет, который помогает бизнесу держаться на плаву в любое время, — быть со своей командой. Для меня очень важно физически находиться в своих заведениях — я каждый день прихожу туда, общаюсь с сотрудниками. Второе — нужно оптимизировать затраты, потому что сейчас денег брать неоткуда. Важно иметь денежную «подушку безопасности». В ресторане тяжело ее накопить, но нужно стараться. Собственник бизнеса должен быть хорошим финансистом. Мне кажется, многие столкнулись с тем, что не умеют считать собственные деньги. Нужно каждый день контролировать свои расходы и сразу что-то предпринимать, если уходите в минус. Когда в 2015 году я с сыном открыла собственное заведение, гастробар JUST, каждый месяц боялась 10-го и 25-го чисел — дней зарплаты. Тогда мы сильно оптимизировали затраты — сын работал на кухне, а я была менеджером, администратором, официанткой и уборщицей. И так продолжалось девять месяцев, пока мы не заработали «подушку безопасности». Эта ситуация напоминает мне сегодняшнюю. Сейчас мы упорно работаем каждый день. Я могу работать доставщиком, упаковщиком, могу считать, мыть, убирать.

На фоне нынешнего кризиса мы можем пересмотреть нашу прежнюю жизнь, понять, что мы не успели сделать, и попытаться что-то изменить. Нужно ценить отношения с людьми и любить то, что ты делаешь. Мне повезло, потому что то, чем я занимаюсь, — это любимое. Наверное, иначе бы у меня сейчас ничего не получалось. Я считаю, что этот кризис тяжел в плане материальных ценностей, но это история не про материальное. И те, кто это поймет, будут на волне, а тех, кто будет сопротивляться и вспоминать прежние времена, ждут сложности. Наверное, не нужно бояться потерять материальное — это касается и жизни, и бизнеса. В первые несколько дней нынешнего кризиса у меня была паника, я не понимала, что происходит. Но это уже свершилось и остается только принять ситуацию, потихонечку вставать и работать снова. Нереально сейчас думать наперед, ставить грандиозные планы. Поработал сегодня, получилось — хорошо. И так пока ситуация не опустит. Если мы будем жить сегодняшним днем и пытаться его улучшить — результаты обязательно будут.

О
п
ы
т

ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА, совладелица и управляющий директор школы иностранных языков «Интерлингва»

О
п
ы
т

— Со своей школой иностранных языков я пережила кризисы 1998, 2008 и 2014 годов. В 1998 году резко упало направление обучения за рубежом. До кризиса мы отправляли три-четыре группы по 30 человек в год, а после падения курса стали проводить только летние программы — сокращение зарубежных поездок дало толчок развитию собственного проекта летнего отдыха. В 2008–2009 годах нам пришлось повысить стоимость обучения в середине учебного года. Это было единственный раз за всю историю школы. Произошел отток учеников, отчасти и из-за повышения цен.

В 2014 году эффект был не финансовый, а эмоциональный. Многие клиенты открыто говорили, что отношения с западными странами ухудшились, поэтому нет смысла учить английский язык. Мы убеждали, что английский — не только для путешествий и работы за границей, а и для профессионального развития, культуры, развлечений.

Мы всегда тесно общаемся с клиентами, а в сложные времена уделяем этому особое внимание. Очень важно разговаривать с родителями, учениками, нужен постоянный контакт. Многие вопросы можно решить, когда люди чувствуют искреннюю заботу школы о качестве, о результате обучения. Мы не только делимся приятными новостями, но и открыто говорим о сложностях и неудачах, поэтому все задачи решаются довольно быстро и не перерастают в серьезные проблемы.

Самое главное во время кризиса — работа команды. У нас большой и дружный коллектив, а в кризисные моменты люди особенно стараются подставить плечо, поделиться опытом. Каждый может позвонить или прийти к дирек-

тору. Еще помогло умение задавать вопросы — себе, клиентам, коллегам, партнерам, конкурентам — всем, до кого можем дотянуться. Это дает понимание, куда двигаться дальше, каковы тренды образовательного рынка. Я много общаюсь с коллегами за рубежом и из технологически продвинутых секторов. Глядя на них, мы начали цифровизацию в компании еще в 2012 году, и эти навыки и технические ресурсы спасают нас сегодня. Мы оказались готовы к удаленной работе, хотя никогда раньше этого не делали. После кризиса 2014 года мы внедрили долгосрочное планирование бюджета, создание финансовых резервов, чтобы не пришлось неожиданно для клиентов повышать цену за обучение. Считаем ключевые показатели, еженедельно отслеживаем количественные и качественные показатели образовательного процесса. Это дает возможность принимать взвешенные решения, не паниковать, не бросаться в крайности.

Из опыта пережитых кризисов я сделала вывод, что есть всего три вида факторов: что я могу контролировать, на что я могу повлиять и что не могу контролировать. На третье мы часто тратим очень много времени. Курс доллара, распространение вируса, меры поддержки бизнеса — все это обсуждается 24 на 7 и отнимает колоссальное количество энергии и времени. А бизнес двигает вперед только то, что находится в зоне нашего контроля. Поэтому я не смотрю новости, а делаю то, что зависит от меня, и направляю своих сотрудников по этому же пути. Тем, кто сейчас оказался в сложной ситуации с собственным бизнесом, я советую искать ресурсы в себе. Проанализировать свои сильные стороны и ответить на вопрос: «Что я умею делать лучше всего?». А затем найти, кому из тех, кто еще не успел стать вашим клиентом, нужна эта компетенция.

В моем окружении реакция на сегодняшний кризис очень разная — от «Шеф, все пропало!» до «Вот выйдем, и все будет как прежде». Последние слова я часто слышу от родителей и преподавателей. Я уверена, что как раньше не будет. Поэтому сейчас самое время начать свой психологический путь от отрицания до принятия ситуации. Самый простой способ, который доступен каждому, — «вылить» свои эмоции и страхи на бумагу. В одной колонке напишите: «Я боюсь, что...», в другой — последствия «Если это случится, то...» и «Что я могу сделать, чтобы преодолеть эти последствия». Важно именно писать. Интеллектуальная деятельность (формулирование мыслей) и физическая активность (водить пером по бумаге) снизят уровень тревожности, потому что за эту деятельность отвечают разные отделы мозга, они уравновесят друг друга. А в качестве бонуса вы получите персональный рабочий план действий по выходу из кризиса. Фраза про кризис как время возможностей уже набилась оскомину, но это правда — если справиться с первыми естественными страхами, дальше открываются перспективы, которые мы не замечаем или откладываем в рутине обычных дней. Кризис, как мороз, делает все прозрачнее, звонче, чище.

ВИКТОРИЯ ЛАНТЮХОВА, основательница студии проката карнавальных костюмов Komod and band

— В 2014 году нашей студии проката костюмов было всего два года. Мы развивались, набирали базу клиентов и знакомили город с новым сервисом. Когда случился кризис, было беспокойно. У нас снизился процент прибыли и увеличилось количество бартерных взаимодействий: у людей было меньше денег в обороте, но мероприятия продолжались, и необходимо было делать их красивыми — открывались фотостудии, снимались фотопроекты. Мы провели бартером показ ретроодежды в крупном ТРЦ. Никто никому не платил, но все получали какой-то профит от события: площадка, фотографии, модели, магазины-партнеры. Бартером мы проводили первые мастер-классы в кафе, потому что заведениям общественного питания тоже было непросто и нужно было привлекать к себе внимание и посетителей. Мероприятий не стало ощутимо меньше. Это был год активного празднования Хэллоуина в городе, в конце октября — начале ноября люди ходили по клубам, брали костюмы в аренду, тратились на грим. Мы работали до 12 часов ночи, чтобы все ушли красивые и отлично повеселились. Новый год уже был слабее: большинство Морозов и Снегурочек остались в магазине. А ведь Новый год для проката — как 8 Марта для цветочных магазинов.

Во время кризиса мы были готовы браться за любые проекты и экспериментировать с заказами. Мы взяли в работу свадебный декор и занимались им еще несколько лет, начали вести детские мастер-классы и проводим их до сих пор. Участвовали во всех городских мероприятиях — Днях города, парадах, шествиях, любых гуляньях. Когда ты уже вне зоны комфорта, не так страшно что-то менять. Стабильность потерять не жалко, ее по сути и так нет.

Чтобы справиться с последствиями кризиса, мы сделали то, что советуют и сейчас, — не останавливались и создавали коллаборации. В начале 2015 года мы переехали в новое помещение с большей стоимостью аренды, с большими вложениями в ремонт и организацию магазина. Не знаю, насколько причиной тому был кризис. В этот период было явное ощущение, что нужно что-то менять. И когда такое ощущение возникает, ты прямо или косвенно начинаешь искать возможности, иногда не осознавая, почему это происходит. Все сложилось буквально за пару месяцев — нашлись партнеры и помещение.

Даже в кризис оставались компании и частные клиенты, у которых были возможности и деньги, они продолжали приходить за костюмами, услугами. Хотя тема экономии средств тогда стала обычным делом, экономили все и на всем. Получение опыта и освоение новых навыков стали важнее, чем зарабатывание. Да и просто самым логичным и доступным сценарием в сложившейся ситуации. Было ощущение, что все в одной лодке, что абсолютно всем вокруг непросто. Это как-то объединяет, делает отношения проще.

Полученный нами тогда опыт точно говорит, что в конце концов все пройдет. Все снова будет хорошо или достаточно неплохо. Хотелось бы поскорее, но на это нельзя повлиять. Можно только не паниковать и продолжать шевелить лапками. Недавно я спросила у наших арендодателей, которые держат бизнес с 1990-х и пережили не один кризис, что бы посоветовали они. Ребята ответили, что к кризису невозможно подготовиться, потому что он каждый раз разный. А еще моя подруга сказала лучшую фразу, которую я слышала в то время: «В конце концов все будет хорошо. Если еще не хорошо, значит, еще не конец».

О
п
ы
т

КАК ВОССТАНАВЛИВАЛИ ВОРОНЕЖ

ЧТО БЫ НИ ПРОИСХОДИЛО В МИРЕ, МАЙ ДЛЯ НАС — ВСЕГДА ПРО ПОБЕДУ И ПАМЯТЬ. В ЭТИ ДНИ МЫ ГОВОРим О ТЕХ, КТО ВОЕВАЛ, И О ТЕХ, КТО ДЕРЖАЛ НА СЕБЕ ТЫЛ. КОГДА САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА ОСТАЮТСЯ ПОЗАДИ, ЗА НИМИ ВСЕГДА СЛЕДУЕТ БОЛЬШОЙ ЭТАП ВОССТАНОВЛЕНИЯ. «СЛОВА» ВСПОМНИЛИ, КАКИМ БЫЛ ВОРОНЕЖ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЗАХВАТЧИКОВ И КАК ГОРОД ВОЗВРАЩАЛСЯ К ЖИЗНИ.

«НИ ОДНОГО ЦЕЛОГО ДОМА»

После освобождения от фашистов в январе 1943 года в Воронеже практически не осталось мирного населения. Город представлял собой груды камней и пожарища. Было разрушено более 18 тысяч домов — 92 % жилого фонда, взорваны университет, вокзал, Дворец пионеров, цейхгауз, не работали коммуникации.

Зрелище опустошенного города поражаало не только его освободителей, но и врагов. Так, капитан Штейлинг писал жене: «Вчера я был в Воронеже. Город выглядит печально... Гражданское население эвакуировано, и город почти пуст. На улицах лежат трупы».

На месте целых кварталов теперь были пустыри, вдоль улиц стояли остовы зданий, зияющие черными проемами окон. Очевидец так описал картину разрухи: «От проспекта Революции остается страшное впечатление. Нет ни одного целого дома. Все сожжено, все разрушено. Поперек проспекта лежат вековые деревья, много кроватей и другой мебели. Подбитые танки, автомашины. Нет памятника Петру I. Петровский сквер весь в окопах, в блиндажах».

Многие руины были заминированы. После освобождения города за четыре месяца было обнаружено 58 тысяч противопехотных и противотанковых мин. По улицам было страшно ходить. Но к марту 1943 года в город вернулись уже 10 тысяч воронежцев. Рядом с саперами работали электрики, водопроводчики — они с первых же дней начали восстанавливать Воронеж.

ЗАПАДНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ ПОДСЧИТАЛИ, ЧТО НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА УЙДЕТ 50 ЛЕТ, И ЧТО ЭТО НЕРЕНТАБЕЛЬНО, ДЕШЕВЛЕ ПОСТРОИТЬ НОВЫЙ. НО ВСЕГО ЗА ГОД В ВОРОНЕЖЕ БЫЛО ПОСТРОЕНО БОЛЕЕ 6 ТЫСЯЧ ДОМОВ.

Каждый житель должен был отработать на восстановлении города не менее 100 часов. Многие добровольцы отработывали и по 200 часов, помимо основной своей работы. Прежде всего нужно было разобрать руины. Этим занимались в основном женщины, старики и дети — еще шла война, и мужчин в городе почти не было. При этом жили в разрушенном городе без воды и электричества, без топлива и транспорта.

Экскаваторы появились только в 1946 году, а до этого работа шла вручную: 10–30 школьников впрягались и тащили из груды обломков тяжелые трубы, балки, радиаторы отопления. Бригады для борьбы с разрухой на каждой улице создавали уличные комитеты — к началу 1944 года их действовало более 250, а возглавляли их в основном женщины и пенсионеры.

БЕЛИЛИ ТРОТУАРЫ И САЖАЛИ ДЕРЕВЬЯ

Воронеж оживал с каждым днем. Уже 27 января 1943 года открылись почта и телеграф. Первая хлебопекарня заработала 4 февраля, 13 февраля — радио, а 27-го — водопровод, тогда же включились временные электроустановки. В мае 1943 года открылся кинотеатр и зазвенел на улицах первый трамвай. Начали работать поликлиники, больницы, школы. Через год открылось уже 76 магазинов, 26 больниц, в 27 школ пошли 12 тысяч детей.

Невозможно было сразу справиться со всеми разрушениями. Тем не менее, делегация новосибирцев, посетивших Воронеж в 1944 году, удивилась чистоте улиц. Их тщательно подметали, а панели и тумбы по краям тротуаров белили, чтобы город выглядел опрятно. Пустые проемы окон, выжженных пожарами, до высоты человеческого роста были заложены кирпичом, чтобы не видно было разрухи внутри зданий.

Весной воронежцы приступили к озеленению города: только в 1943 году высадили 3,2 тысячи деревьев. В строительных работах задействовали и самих разрушителей — пленных немцев.

Помощь Воронежу оказывала вся страна. Из Новосибирской, Куйбышевской, Тамбовской и других областей шли эшелоны с лесом, цементом, станками, оборудованием, медицинским инструментарием и медикаментами для больниц. Возрождалась промышленность: к 1947 году из 130 предприятий, разрушенных фашистами, вступили в строй 122.

В НОЯБРЕ 1945 ГОДА ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ВКЛЮЧИЛО ВОРОНЕЖ В ЧИСЛО 15 СТАРЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ, ВОССТАНОВИТЬ КОТОРЫЕ ПЛАНИРОВАЛОСЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, И ВЫДЕЛИЛО ДЛЯ ЭТОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА.

Город восстанавливали по генеральному плану, разработанному в 1944 году архитектором Львом Рудневым и группой воронежских архитекторов. В соответствии с ним были проложены новые улицы Мира и Кардашова, на Кадетском плацу разбит детский парк, на улицах Карла Маркса, Помяловского, 25-го Октября появились бульвары. Руднев хотел построить город-столицу, поэтому в Воронеже появилось много зданий в стиле сталинского ампира, массивный комплекс обновленного здания ЮВЖД.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

Как писала Ольга Кретьова в очерке «Русский город Воронеж», для жилья приспособляли любое мало-мальски пригодное помещение. Жили в подвалах, в уцелевших и разминированных частных домах, в каждой сохранившейся ячейке разрушенных зданий, рыли землянки, наскоро строили бараки.

«В центре города, в большом доме, зияющем всеми своими этажами, на самом верху — не под крышей, потому что крыши не было, а, кажется, будто прямо под кровлей неба — светилось одно окно. Кто-то жил на этом удивительном маяке! Была в городе колокольня, оборудованная под квартиру. Комнатки, восстановленные в разных этажах непокрытых, неотстроенных домов, походили на скворешни на голых еще деревьях», — пишет Кретьова.

Кто-то жил у родственников и спал на полу, укрываясь фуфайкой, а кто-то селился прямо на работе: артисты — в театре, преподаватели музучилища и музыкальной школы — в классах и дворовых постройках.

Николай Попов, который был в военные годы ребенком, вспоминает, что их семье повезло: маме дали две койки в бараке, и она поселилась там с двумя детьми. Температура в помещении была не выше 8 градусов, но все же это была крыша над головой. Позже дали комнату, в которой бы-

ло так же холодно. *«Сядешь на печку, скрючишься, положишь на колени самодельную тетрадь, сшитую из разрезанных газет, и делаешь уроки, выводя буквы между газетных строк. Рядом копилку ставили: маленький пузырек с керосином, куда опущен тоненький фитилек. А окно постоянно завешивали тряпкой, чтобы меньше дул холодный воздух»,* — рассказывает Попов. При этом мальчики умудрялись учиться на отлично и никто ни разу не простудился.

Большой проблемой были одежда и обувь. Как вспоминает Николай Попов, летом ходили в брезентовых мешочках на деревянной подошве вместо обуви. В холод к ногам подвязывали рваные галоши. Вместо носков ноги обертывали тряпками. Кому-то на предприятиях выдавали американскую одежду и обувь, но это не относилось к тем, кто побывал в оккупации, — такие люди были лишены любых льгот.

Многие воронежцы ярко описывают День Победы — народ хлынул на главную площадь города и проспект Революции. Возникали стихийные митинги, звучали песни под гармонь. Фронтовики осторожно подбрасывали в воздух — как правило, это были инвалиды. Вечером на улицах вспыхнули фейерверки.

ГОЛОД ТЯЖЕЛЕЕ, ЧЕМ В ВОЙНУ

Мучительнее всего был голод. В 1943 году семья из трех человек получала по карточкам 1 кг хлеба в день. Николай Попов вспоминает, что зарплата матери была 300 рублей, а буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей. Даже после Победы испытания не закончились: 1947 год был голодным, и голод был еще более тяжелым, чем в войну. Да и морально в мирное время перенести его было труднее. Впроголодь жили еще долго.

Воронежцы собирали скороду — дикий чеснок, варили его, добавляя пшено, и получался суп-«брандахлыст». Добывали из воды корни рогоза — делали из него лепешки. На лугах собирали щавель для зеленых щей. На ручной мельнице мололи кукурузу для каши и муки, перемалывали и каленые желуди, из которых варили «кофе». Иногда удавалось достать сахарную свеклу — это было лакомство для детей. Сахара не было, но в аптеках продавались таблетки сахара. Ослабленных детей поддерживали гематогеном и рыбьим жиром.

Вспоминает очевидец Татьяна Пятченко: *«После отмены в 1948 году карточной системы жить легче не стало. Исчезли хоть малые, но регулярные продуктовые пайки, а в магазинах — шаром покати».* Все полки были заставлены консервами «Крабы» и сырокопченой колбасой. Населению деликатесы были не по карману, и когда «выбрасывали» сухую соленую треску, за ней тут же выстраивалась очередь. Рыбу вымачива-

ли и ели с картошкой, с окрошкой и просто с хлебом. Хлеб стали продавать на вес, и его долго еще не хватало досыта. Только в начале 1950-х появились стандартные буханки.

Водопровод был только во вновь отстроенных больших домах, а большая часть населения пользовалась колонками на улицах, так что стирка занимала целый день и отнимала много сил. Готовили на керосинках, керогазах, примусах. Лишь в конце 1950-х — начале 1960-х годов газ потеснил керосин.

Автомобили в послевоенном Воронеже были редкостью. В основном по улицам грохотали телеги и цокали копытами лошади-тяжеловесы. По центру города ездила «кукушка» — маленький паровозик с несколькими вагонами, развозивший грузы к заводам и фабрикам. Но с каждым днем машин становилось все больше, чаще всего встречались «Победа» и «Москвич».

Несмотря на все трудности, каждое свидетельство мирной жизни, любое изменение к лучшему воронежцы принимали с радостью. Всего восстановление Воронежа после войны заняло десять лет. ➔

По книгам Павла и Николая Поповых «Наш дом — Воронеж», «Послевоенный Воронеж» Владимира Мальцева и «Русский город Воронеж» Ольги Кретьовой. Благодарим отдел краеведения Никитинской областной библиотеки за предоставленную литературу. Фото воронежской архивной службы.

МАРШРУТ МЕСЯЦА:

ПРИРОДНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

ЧТО ВЫ СДЕЛАЕТЕ, КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ, — ЭТОТ ВОПРОС ВСЕ ЧАЩЕ СТАЛ МЕЛЬКАТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ. И ОДИН ИЗ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ОТВЕТОВ — ОТПРАВЛЮСЬ НА ПРИРОДУ. ПРОСИДЕВ МНОГО НЕДЕЛЬ В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ, МЫ СТАЛИ БОЛЬШЕ ЦЕНИТЬ НЕРУКОТВОРНУЮ КРАСОТУ ПРИРОДНЫХ ЛАНДШАФТОВ И ВОЗМОЖНОСТЬ УВИДЕТЬ ГОРИЗОНТ.

В этот раз в постоянной рубрике «Маршрут месяца», которую «Слова» делают совместно с туристическим сообществом «Нескучный день», расскажем об интересных местах Воронежской области, куда можно поехать после окончания самоизоляции. В подборке мы специально не указали популярные места, о которых и так все хорошо знают: Кривоборье, Сторожевое, Дивногорье.

ДОНСКАЯ САХАРА В ПЕТРОПАВЛОВСКОМ РАЙОНЕ

49°53'21.37"N 41°02'14.58"E

Как добраться: из райцентра Петропавловка направляемся в сторону села Новый Лиман. В селе Дедовка поворачиваем направо, проезжаем мимо полуразрушенной церкви из красного кирпича. Далее — 4 километра вдоль бахи, до указателя «Урочище «Дюнные всхолмления».

Есть разные версии происхождения пустыни в Воронежской области. По одной из них, песок занесло сюда ветрами из Калмыкии. Но ученые придерживаются другого мнения — что песок местного происхождения и находится здесь еще со времен ледникового периода. Долгое время пустыня никому не была интересна. А когда местные начали вырубать поблизости леса и пасти на вырубках скот, песок стал распространяться по округе и в конце XIX века превратился в бедствие для людей. Когда поднимался сильный ветер, песок поднимался столбом и засыпал дома в ближайших селах. С песчаной стихией начали бороться в 1920-х годах. По периметру пустыни посадили молодые сосны. Когда они выросли, пустыня перестала разрастаться в размерах и мешать сельчанам.

Сейчас петропавловская пустыня официально называется урочищем «Дюнные всхолмления», но это сложнопроизносимое название не прижилось в народе, и люди продолжают называть это необычное место, как и прежде. Особенно забавно смотрится новое, написанное латиницей на указателях, — кажется, что это, на финском языке: Dune Vsholmlennaja.

Петропавловская пустыня — одно из самых необычных мест в Воронежской области. Она находится на границе с Ростовской областью. Дорога сюда непростая и долгая, но стоит потраченного времени, ведь итогом почти четырехчасовой поездки будет прогулка по настоящей пустыне площадью 100 гектаров прямо посреди Черноземья. В пустыне мелкий желтый песок, временами попадаются пучки колючей травы. В теплое время года здесь приятно пройтись босиком. Дюны не очень высокие, но при желании с некоторых можно скатиться, как с горки. За эффектными снимками фотографы советуют приезжать сюда за несколько часов до заката.

Петропавловскую пустыню часто называют Донской Сахарой. Такое название ей дал известный журналист, путешественник, уроженец Воронежской области Василий Песков. Он побывал в этих местах в 1959 году.

«Остановились на песчаном бугре и увидели то, что видел я в Каракумах, — светло-желтые бугры песка с редкими пучками жесткой травы. Было жарко, даже пить захотелось при виде этой картины. Не хватало только верблюдов».

Василий Песков

ИСТОЧНИК С «ГОРЯЩЕЙ» ВОДОЙ

50°16'42.02"N 40°53'12.6"E

Еще одно интересное место Петропавловского района. На окраине села Пески находится источник с примесями фтора и сероводорода. Именно благодаря наличию газа это место и стали называть «горящим» источником. Если поднести спичку к воде в тот момент, когда на поверхности появляются пузырьки, можно увидеть пламя. Эффектнее всего это смотрится в темное время суток, но и днем можно заметить, как появляется огонь на водной глади.

По составу вода здесь схожа с лечебной водой источника, расположенного на территории санатория «Белая горка» в Богучарском районе, но на вкус песковская более приятная — слегка соленая, хорошо утоляющая жажду. Многие приезжают сюда лечить суставы. Смешивают землю с водой из источника и обмазывают больные места. Недавно источник облагородили. Рядом поставили качели и беседку для отдыхающих.

СЕЛО КОРОТОЯК ОСТРОГОЖСКОГО РАЙОНА

МОСТИЩЕНСКИЙ ЛАБИРИНТ

51°01'34.61"N 39°06'06.64"E

В этом селе находится несколько уникальных природных объектов. Бесплатную экскурсию по ним проведет местный библиотекарь Валентина Ивановна Крутских, ее телефон **8 (47 375) 3-11-94.**

Наземный каменный лабиринт уже много лет притягивает к себе любителей древности. По возрасту он ровесник египетских пирамид: в ходе раскопок, проведенных в XX веке, ученые предположили, что лабиринт построен на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Вероятнее всего, он имел культовое назначение, но есть версии, что это сооружение предназначалось для наблюдений за небесными светилами. На соседнем холме раскопали древнее поселение.

Лабиринт состоял из шести колец, в качестве строительного материала использовались меловые камни, которых и сейчас в окрестностях Коротояка достаточно много. Максимальная высота достигала полуметра, диаметр внешнего кольца — 40 метров.

— Лабиринт был подробно изучен в 1980-х годах. Археологи раскопали камни, сфотографировали сверху то, что не разрушило время, а когда закончили работу, снова закопали. Сейчас на поверхности можно увидеть несколько камней. Сюда часто приходят люди, некоторые оставляют на камне монеты — видимо, верят в магию лабиринта.

Валентина Крутских

РЕЛИКТОВЫЕ СОСНЫ

51°01'34.51"N 39°02'16.95"E

На меловом склоне реки Потудань, которая протекает в Коротояке, можно увидеть реликтовую меловую сосну. Эти деревья называют живыми ископаемыми. Меловые сосны — доледниковые обитатели Среднерусской возвышенности, которым многое пришлось пережить за два с половиной миллиона лет своего существования на Земле. Сменялись геологические эпохи, периоды потепления чередовались с периодами оледенения, на смену одним человеческим культурам приходили другие, в процессе эволюции погибали мамонты и другие животные, а меловая сосна продолжала завоевывать малодоступные каменистые отложения.

До XVIII века меловые сосны не были большой редкостью, но позже их начали активно вырубать, и это привело к тому, что сейчас они сохранились лишь на небольшой

территории. Самой старой меловой сосне здесь примерно 150 лет, ее высота — 14 метров. Ниже по склону к руслу реки Потудань можно встретить «молодняк» высотой от шести до восьми метров. Эти сосны посадили в 1969 году.

По соседству с соснами растут и другие реликтовые растения — волчегодник Софии и дремлик темно-красный.

МЕЛОВАЯ ПЕЩЕРА
И МЕЛОВОЙ МОСТ
В ЛИСКИНСКОМ РАЙОНЕ

51.186796 39.259704

Конечно, мы не могли обойти стороной туристическую изюминку Воронежской области — рукотворные меловые пещеры. В нашем регионе их 49 — это половина от общего количества таких подземелий в России. Самой древней считается пещера на территории Дивногорского Успенского монастыря. Она упоминается с середины XVII века. Самая протяженная на данный момент меловая пещера в Белогорье — 985 метров.

Рядом с хутором Титчиха находятся меловые пещера и мост. Появились они благодаря местным жителям, которые усердно добывали здесь мел для строительства домов, сараев и погребов. В пещере особенно

хорошо жарким летом, там всегда прохладно. А мостик эффектно смотрится на фотографиях. На самом деле это не совсем мост, а часть свода обрушившейся пещеры на склоне. До середины прошлого века в этих местах пещер было больше. Но часть из них обвалились от времени, некоторые — из-за разорвавшихся боеприпасов, спрятанных здесь во время Великой Отечественной войны.

МЕЛОВАЯ ПЕЩЕРА
В БОГУЧАРСКОМ РАЙОНЕ

49°59'37.43"N, 40°37'33.08"E

Монашеская обитель, расположенная на территории села Галиевка, вырублена в меловых речных берегах воронежского Подонья. Из трех этажей сохранился один — с кельями и молевыми комнатами. Длина ходов — примерно 200 метров.

В пещере темно, советуем взять с собой фонари. Чтобы хорошо осмотреться, света мобильного телефона будет недостаточно. Как и в любой пещере, здесь прохладно, даже если снаружи очень жарко. Спуск к пещере крутой, поэтому лучше быть в удобной обуви: плотно сидящей на ноге, с нескользящей подошвой, без каблуков. Со смотровой площадки возле входа в пещеру открывается восхитительный вид на Дон.

ОКРЕСТНОСТИ ПОСЕЛКА МАКЛОК

ЧЕРЕПАШЬЕ ОЗЕРО

51°49'12"N 39°24'39"E

Глубокое озеро овальной формы находится на территории живописного лесного массива. Существуют несколько версий, почему оно получило такое название. Основная — здесь обитают болотные черепахи. Местные жители говорят, что когда-то их здесь было очень много, дети приходили сюда, ловили черепашек и играли с ними, как с котятками. Правда, потом отпускали обратно в водоем.

По данным Минприроды Российской Федерации, сейчас в Черноземье этот вид стал встречаться достаточно редко. Может, поэтому появилась и вторая версия названия водоема — якобы озеро своей формой похоже на черепаху, но и никаких пресноводных с панцирями здесь никогда не водилось. На самом деле черепахи в озере живут, и доказательство тому — снимок, сделанный фотографом нашего журнала.

Зимой черепахи спят, на поверхность они начинают выбираться при температуре воздуха от +6 градусов, так что с весны и до осени вполне можно увидеть, как рептилии греются на солнышке.

ДРЕВНИЙ ДУБ

51°48'29"N 39°25'0"E

Еще одна природная достопримечательность Маклока — древний дуб, которому более 170 лет. «Дерево-гигант», «дуб-богатырь», «толстяк» — как только не называют это чудо природы. Это одно из самых больших в обхвате дерево в Воронежской области. Диаметр ствола — 1,56 метра. Чтобы его «обнять», потребуются три взрослых человека. Но не только своей шириной славится этот великан. Маклокский дуб — третий по возрасту из растущих в нашем регионе. Бесспорный лидер здесь — дуб, находящийся на территории главной усадьбы Воронежского заповедника, — ему, согласно исследованию Центра древесных экспертиз, 415 лет. На втором месте — 278-летний дуб, который растет на правом берегу Воронежского водохранилища, выше по течению от поселка Рыбачье и санатория имени Максима Горького.

Все должители огорожены деревянными помостами. Считается, что большой вред деревьям наносят туристы, когда вытаптывают приствольную территорию. Поэтому совет, если захотите сделать селфи возле дуба-великана — фотографируйтесь за ограждением, так вы продлите жизнь дереву. ➔

ТЕКСТ ЕЛЕНА МИННИБАЕВА
ФОТО НИКИТА БОГДАНОВ

СВЕКЛА ТЕРИЯКИ

с сельдью и авокадо

ЗА МЕСЯЦ САМОИЗОЛЯЦИИ МНОГИЕ ИЗ НАС СОСКУЧИЛИСЬ ПО ПОХОДАМ В ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ. НО УСТРОИТЬ ОСОБЕННЫЙ ОБЕД ИЛИ УЖИН МОЖНО ДОМА И БЕЗ ПОВОДА: НАРЯДИТЬСЯ, НАКОНЕЦ-ТО ДОСТАТЬ «ПРАЗДНИЧНУЮ» ПОСУДУ, КРАСИВО СЕРВИРОВАТЬ СТОЛ И ПРИГОТОВИТЬ ЧТО-ТО НЕОБЫЧНОЕ. ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ПРОЕКТА «ЛЮСИ & КОВБОЙ» **ЛЮДМИЛА БУРЯК** РАССКАЗАЛА «СЛОВАМ», КАК ПРИГОТОВИТЬ ПРОСТОЕ, НО ВКУСНОЕ И ЭФФЕКТНОЕ БЛЮДО.

ИНГРЕДИЕНТЫ

на 2 порции:

СВЕКЛА — 2 ШТУКИ

СЕЛЬДЬ — 1 ШТУКА

ЯЙЦО — 1 ШТУКА

АВОКАДО — 1 ШТУКА

СМЕСЬ СЕМЕЧЕК — 1 ЩЕПОТКА

СОЛЬ И ПЕРЕЦ ПО ВКУСУ

ДЛЯ ЗАПРАВКИ:

СОУС ТЕРИЯКИ — 1 СТ. ЛОЖКА

ОЛИВКОВОЕ МАСЛО — 1 СТ. ЛОЖКА

ЛИМОННЫЙ СОК — 1 СТ. ЛОЖКА

ДЛЯ МАРИНАДА:

ЯБЛОЧНЫЙ УКСУС — 1 СТ. ЛОЖКА

ЗЕРНИСТАЯ ГОРЧИЦА — 1 СТ. ЛОЖКА

ПОДСОЛНЕЧНОЕ МАСЛО — 2 СТ. ЛОЖКИ

1. Запекаем свеклу. Две свеклы небольшого размера моем и отправляем в нагретую до 180 градусов духовку на 30–40 минут. Готовую свеклу трем на крупной терке — чтобы было удобнее, лучше предварительно нарезать корнеплоды брусочками.

2. Разделяем сельдь привычным для вас способом. Отделяем филе и нарезаем полосками шириной в сантиметр. Варим яйцо вкрутую, к ладем в холодную воду, чтобы скорлупа легче отсоединилась. Очищенное яйцо разрезаем пополам. Можно приготовить яйцо не вкрутую, а в мешочек (для этого нужно варить его четыре минуты после закипания воды). Авокадо делим на две части и нарезаем слайсами.

3. Готовим маринад для сельди. Смешиваем яблочный уксус, зернистую горчицу и подсолнечное масло (лучше взять ароматное нерафинированное). Селедку маринуем час, но, если не хочется долго ждать, можно ограничиться получасом — соленая рыба успеет пропитаться маринадом.

4. Готовим заправку для блюда. Соус терияки смешиваем с оливковым или кунжутным маслом, добавляем лимонный сок.

5. Все ингредиенты выкладываем на тарелку, не перемешивая. Посыпаем льняными, кунжутными, тыквенными и подсолнечными семечками, поливаем заправкой, солим и перчим по вкусу. Подаем блюдо с любимым хлебом, предварительно подсушив его в духовке пару минут.

100 ПРИЧИН ЛЮБИТЬ ВОРОНЕЖ

ПРИЧИНА № 52

Неожиданные
послания,
которые
заставляют
улыбнуться

МЫ РЕШИЛИ СОБРАТЬ СОТНЮ ПРИЧИН,
ЗА ЧТО МОЖНО ЛЮБИТЬ НАШ ГОРОД. ДЕЛИТЕСЬ СВОИМИ :)
#100ПРИЧИНЛЮБИТЬВОРОНЕЖ #SLOVAMAG

Оперативно
о главном —
РИА «Воронеж»
riavrn.ru

16+

Реклама

РИА **Воронеж**

«СЛОВА»
В ТВОЕМ
ИНСТАГРАМЕ
@SLOVAMAG
#SLOVAMAG

